

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ПАЛАНТИР

№ 27

::: i ṛčarṁ :::

::: i ṛarṁ ṛčarṁ :::

λβρτςί λάρρβρρ :::

сентябрь 2001

Круглый стол “Профессор Толкин и его наследие” (окончание. Начало в №№24-26):	
Наталья Филимонова. Толкинизм и магия	3
Ирина Шрейнер. О связи Толкинистики с религиозными системами: попытка полемики.	6
Олег Лошманов. Так не было, но так могло быть...	9
Ирина Шрейнер. Феномен ниеннизма	10
П. Чистяков. <i>Заключительное слово</i>	13
ПРИЛОЖЕНИЕ:	
Ирина Шрейнер. Несколько слов в защиту эскапизма от эскапизма	13
Марк Хукер. Толкин еще ждет своего русского переводчика	17
Ксения Ярцева. Феномен неорелигиозности : “Обретение Себя” в толкинизме.	19
Т. ШИППИ. Дорога в Средьземелье (перевод Марии Каменкович).	20
Б. КРИСТЕНСЕН. Трансформация образа Голлума в “Хоббите”. (Перевод с английского Н. Семеновй и З. Метлицкой).	31
Е. КИНН. Параллельные сюжеты в “Сильмариллионе” и “Властелине Колец” как отражение христианства и теории “северного мужества”.	42

Palantir®

ПАЛАНТИР

N 27 2001

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Флорин Эйкинсьялди

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: eondil@mail.ru zoltan@tolkien.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>
<http://esgaroth.narod.ru>

Copyright ©2001, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Наталья Филимонова
Толкинизм и магия

О толкинизме уже много говорили, и, тем не менее, никто так и не сказал, что же он под толкинизмом понимает. Поэтому сразу оговорюсь, что говоря о толкинизме, я буду давать свое определение и говорить в основном о московской толкинистской тусовке, называемой Эгладор, которая есть, с одной стороны, конкретное место и время, с другой — вполне конкретное явление.

Московский толкинизм очень эклектичен, включает в себя поклонников фэнтези, разнообразные толкинистские (и не очень толкинистские) творческие клубы, участников ролевых игр, клубов исторического фехтования и т.д. Все они сейчас именуются толкинистами. Поэтому я дам свое определение: толкинизм, с моей точки зрения, — это социо — культурное явление, объединяющее поклонников фэнтези, связанных общим или сходным мировоззрением, предполагающим наличие Вторичного мира, основанного на модели толкиновского Средиземья (“Сильмариллион”, “Властелин колец”, “Хоббит”) и стремящихся воссоздать элементы Вторичного мира в реальности (та же самая ролевая игра).

Толкинизм явление социо-культурное: как и систему хиппи, его можно назвать лиминальным сообществом, то есть сообществом, расположенным между социальными позициями. Оно появляется в кризисный для общества период (конец 80-х-начало 90-х), и возможно поэтому ценностная система толкинизма противоречит не только коммунистической идеологии, но и тем ценностям, которые складываются сейчас в российском обществе.

Как любое лиминальное сообщество (система хиппи, панки...), толкинизм противостоит государству.

Можно сказать, что толкинизм продолжает поиск ценностей, которые можно назвать общечеловеческими: это, прежде всего, поиск духовности, понимания, что духовное первично перед материальным, поиск любви (действительно любви, а не того, что сейчас проповедуют), гармонии с природой, добра и милосердия (добра и милосердия не в христианском понимании, но тем не менее...).

Какое же место в этой системе занимает магия, и вообще возможно ли появление интереса к магии в подобном сообществе? Практика показывает, что вполне возможно и может быть закономерно. Естественно, не все толкинисты интересуются магией (ибо интересы у них разные), но интерес к магии объясняется в том числе некоторыми особенностями толкинистского мировоззрения.

Первая и главная из этих особенностей — вера в реальное существование Вторичного мира (термин взят из эссе Толкина “О волшебных сказках”). Вторичный мир, по Толкину, — мир, который мы можем вообразить, изменяя законы мира реального: мы говорим: “зеленое солнце” и вполне можем представить себе мир, в котором действительно светит зеленое солнце.

Магия и волшебство — значимые элементы любого Вторичного мира. Попробуйте убрать магию из “Властелина колец” — мир рассыплется, если из “Сильмариллиона” — мир просто не возникнет.

Попробуйте убрать магию из любой книги фэнтези — и книга хотя бы изменится. Скорее всего, мир книги просто исчезнет.

С другой стороны, вера в реальность Вторичного мира это уже есть вера в реальность сверхъестественного.

Еще один важный элемент мировоззрения толкинистов, сходный с мифологическим мышлением, — вера в одушевленность мира, восприятие мира как сообщества живых существ. Эти существа — не боги и даже не духи. Они могут быть не антропоморфны, не всегда разумны по-человечески и не воспринимаются как высшие.

Подобное восприятие мира — антитеза рациональному мышлению, мышлению технократическому, принятому в современном социуме, от которого любое лиминальное сообщество отталкивается.

Одушевление мира, с одной стороны, облегчает восприятие толкинистами некоторых магических практик, а с другой — восходит еще к романтической традиции. К романтикам же восходит еще один элемент мировоззрения толкинистов — абсолютизация творческой личности и развитие прежде всего творческих способностей. Это также связано с интересом к магии, поскольку для многих способность к магии есть лишь одна из способностей творческой личности, требующей развития.

Магия, для меня, — это использование сверхъестественных сил или сущностей, не являющихся божествами, посредством приемов или ритуалов для достижения конкретных целей. Толкинизм — явление молодое, поэтому рано говорить о сложившихся толкинистских магических практиках. Скорее можно говорить о своеобразном “винегрете”, составные части которого зависят от мировоззрения конкретного толкиниста и от его представления о возможном и невозможном, о морально допустимом и недопустимом, от его интеллектуального уровня и опыта.

Наиболее часто используются в толкинизме такие магические практики как биоэнергетика, подразумевающая манипулирование достаточно абстрактными внутренними или внешними энергиями, ритуальная магия, спиритуалистические практики (тарелочка, маятник, бумажный круг с буквами и т.д).

Ритуал — это правила действия, каждый элемент которого значим для участника ритуала. И значим не только сам по себе, но и как составная часть энергетического взаимодействия. Среди ритуальной магии можно выделить две большие группы: опирающиеся на одну какую-либо традицию (как уикка(?) и друидизм) и достаточно самостоятельные (как учение Кроули).

Особняком стоят книги Карлоса Кастанеды, хотя в толкинизме из кастанедийских практик используется разве что “искусство сновидения”.

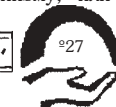
Для достижения каких — то вполне конкретных целей толкиниста (в основном для общения с сущностями из параллельных, потусторонних миров (из той же самой Вторичной реальности)) достаточно широко используются в последнее время спиритические практики.

Существуют и такие неформившиеся в магические практики явления, как вера в магические свойства камней, металлов, растений и т.д. и разнообразные манипуляции с такими знаковыми системами как карты Таро или руны, в основном использующихся для получения какой-либо информации.

Толкинизм и магия — явления вполне совместимые (как показывает в том числе и практика), и эта связь вполне закономерна, ибо если убрать из магических миров волшебство и магию — мы получим в лучшем случае нашу с вами реальность, а если проигнорировать реальность...наверно, мы на самом деле получим сообщество..., а вернее, отдельных читающих фэнтези, каждый из которых сидит в своем собственном углу и чем-то там занимается...

Вопросы:

К.Кинн: Описание магических практик — это все очень хорошо..., но я хотела бы понять, какое отношение это имеет к Профессору Толкину и толкинизму : вытекает ли одно из другого, сочетается ли одно с другим. Почему именно толкинизм был взят для обсуждения магических практик? Вопрос первый: какое отношение тема вашего доклада имеет к толкинизму? Каким образом магия связана с толкинизмом? Вопрос второй: Является ли сказанное вами присущим только толкинизму, или

прослеживаются некоторые общие тенденции?

Н.Филимонова: Это явления сочетающиеся, но есть толкинисты, не занимающиеся магией. Таких много... Естественно, что повальное увлечение оккультизмом среди молодежи — это общая тенденция. Сейчас на лотках достаточно оккультных, магических, околорелигиозных книг, — выбирайте любую... Если остальная молодежь увлечена разнообразными оккультными и магическими практиками, то толкинисты здесь не являются исключением.

Ко второму вопросу... Существуют толкинисты, и их достаточно много, которые не практикуют занятия магией. С другой стороны, значительное количество толкинистов магией занимается. Я пыталась рассмотреть предпосылки возникновения интереса к оккультным практикам, и то, каким образом...

К.Кинн: Так каким образом?

Н.Филимонова: Если вы внимательно слушали доклад, то, на мой взгляд, все это определено мировоззрением, причем не толкиновским, а возникшим уже в толкинисткой среде. Магия была и у самого Толкина: никто не будет утверждать, что Гендальф магом не был... (шум в аудитории)

К.Кинн: Слово, которым у Толкина обозначен Гендальф (wizard) не имеет значения “mag”...

Н.Филимонова: Это уже область языковедения. Мы же сейчас рассматриваем проблему с социальной, с социологической точки зрения. В толкинизме, в сложившихся элементах мировоззрения существуют определенные предпосылки для возникновения интереса к магии. Одна из этих предпосылок заключена в вере в реальное существование вторичных миров, т. е. в вере в сверхъестественное. Магия тоже апеллирует к сверхъестественному. Впрочем, для некоторых магов сверхъестественное является вполне естественным.

К.Кинн: Вы сказали “реальность вторичного мира”. Что значит “реальность” в данном контексте? Дайте определение.

Н.Филимонова: Сам Толкин говорил, что не ставил вопрос о реальности или не реальности вторичного мира. Все же существует вера в то, что где-то эти миры существуют...

К.Кинн: Это не определение. Где существует пятая симфония Бетховена в момент ее исполнения? Она тоже реальна.

Н.Филимонова: Она существует в головах тех, кто ее воспринимает.

К.Кинн: Это тоже вторичный мир.

Н.Филимонова: Разные толкинисты вкладывают в это понятие разный смысл; для каждого он свой. Вопрос в том, на сколько один конкретный человек уверен, что реальность, предположим Амбера или какая-то другая, существует. При этом, он не занят выяснением физической возможности существования такой реальности.

К.Кинн: Я хотела бы сделать небольшую поправку. Вы очень часто употребляли фактор общности, т. е. говорили обо всех толкинистах в целом. Но так не бывает. Выделите одну, конкретную группу и не обобщайте всех толкинистов.

Н.Филимонова: Я уже сделала это в своем докладе.

К.Кинн: Да, но у них...

Н.Филимонова: Мне казалось, что все внимательно слушали и поняли.

Из зала: Вы ближе к концу дали определение магии, а ближе к началу сказали, что без магии были бы невозможны события “Сильмариллиона”. Но если следовать определению магии, которое Вы, слава Богу, дали, то в “Сильмариллионе” практически магии нет.

Н.Филимонова: Итак, к вопросу о “Властелине колец” и магии. Сам Толкин различает волшебство и магию. Магия является органичной частью мира: уберите из “Властелина колец” и “Сильмариллиона” магию, и мира не будет... В “Сильмариллионе” это волшебство.

Из зала: Так речь идет о волшебстве и магии, или только о магии?

Н.Филимонова: Я делаю оговорку насчет волшебства. В “Сильмариллионе” это, безусловно, волшебство... Толкин определяет магию иначе.(?)

Из зала: По Толкину магия является инструментом....

Д.Виноходов: А существует ли магия вообще? (смех и бурные аплодисменты зала, заглушающие

все).

Некто — Магистр оккультных наук: Я считаю, что вопрос оккультизма в толкинисткой среде достоин отдельного семинара. Как единственный дипломированный оккультист среди собравшихся здесь толкинистов, я...

Н.Филимонова: Не единственный, но тем не менее...

Магистр: Возьмусь ответить на любые ваши вопросы по окончании. Могу сделать доклад...

К.Ярцева: Может быть сейчас?..

Д.Виноходов: В чем, по вашему мнению, состоит противостояние толкинизма и государства? (шум в зале)

Н.Филимонова: Это не я сказала, я сказала по-другому, ну ладно...

Толкинизм, как любое лиминальное сообщество, находится между социальных позиций. Такое сообщество, по определению, не воспринимается государством: их коммуникативные каналы практически не пересекаются. Сложившаяся внутри толкинизма система ценностей, таким образом, использует свои собственные, не разработанные социумом символы. Именно по этому толкинизм противостоит социуму.

Ирина Шрейнер

О связи Толкинистики с религиозными системами: попытка полемики.

Начну свою полемику с того, с чего вообще имеет смысл начинать обсуждение чего бы то ни было: а именно, с определений. Рассмотрим три термина: вера, религия и магия. А, вернее, рассмотрим отличия как веры, так и магии от понятия “религия”.

Итак: вера — убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью.

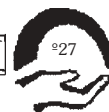
Что же касается религии, это — “мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), основанный на вере в существование бога или богов т.е. той или иной разновидности сверхъестественного”.

Таким образом, понятие веры значительно шире понятия религии. Верить можно во многое, помимо богов, а можно верить и в богов, не регламентируя свою веру некими культовыми действиями — и это тоже не будет религией, но будет — верой. Добавим, да простят мне некоторое занудство, что некие действия, совершаемые на основе тех или иных убеждений, совершенно не обязательно являются культовыми или обрядовыми.

Из приведенных определений, должно быть, сразу понятно, что отнюдь не всегда вера является предметом религии, и даже напротив — в большинстве случаев нет. Верить можно во много разных вещей, даже логика является вопросом веры: нужна вера, чтобы признать, что наши умозаключения имеют хоть какое-то отношение к реальности. Любый человек, задумавшись, поймет какое количество разных вещей он принимает на веру. даже для того, чтобы ездить в трамвае нужна вера — в то, что человек за рулем действительно умеет водить трамвай. С тем же успехом приходится принимать на веру истинность содержания разных книг, словарей например. А почему бы? На заборе вот тоже написано, а там дрова лежат...

Итак, понятие веры, как мы видим, значительно шире понятия религии; магию же и религию объединит то, что как магии, так и религии свойственно некое отношение к силам, лежащим в области сверхъестественного. Но магия предполагает манипулирование некоей силой с помощью особых приемов, колдовства, во имя достижения каких-то конкретных целей, отвечающих интересам индивида, результативность ее (для человека, в магию верящего) зависит только от точности выполнения ритуальных магических действий и, наконец, результативность магических действий не связана с моральными оценками.

Религия же занимается не столько вопросами повседневного существования, сколько пониманием самой жизни, иными словами, религиозные символические системы, в отличие от магических, имеют основную “смысловую нагрузку” не в достижении конкретных целей, а общем осмыслении человеческого существования. Таким образом, общего между магией и религий, фактически, только то, что обе они имеют

дело с областью сверхъестественного, и только. Молитва (или любое другое обращение к высшим силам) как способ достижения какого-то конкретного результата всегда является просьбой и некие ритуальные действия (часто сходные с магическими) служат одной цели: довести просьбу до слуха некоей высшей сущности, тогда как магическое действие является не просьбой, а манипулированием определенными силами.

Таким образом, между религией и верой, на мой взгляд, общего гораздо больше, чем между религией и магией — даже между религией и верой во что-либо, не подразумевающее существование сверхъестественных сил. Религия представляет собой символическую модель, формирующую человеческий опыт еще и в том смысле, что в ней описывается не только мир, каков он есть, но и мир, каким он должен быть. Но ведь задавать систему символов, обеспечивающую осмысленность человеческого существования может не только религиозная система, но и система, построенная в рамках какой-либо другой веры. Например, если человек верит в коммунизм (согласитесь, в коммунистические идеи можно вполне верить, как в “истинность того, что не доказано с несомненностью”), так вот, эта вера, не будучи религией, будет, тем не менее, представлять собой модель, формирующую человеческий опыт и задавать смысл существования.

Итак, это, наряду с верой в бога или богов, то есть, некоторую разновидность сверхъестественного, так же будет необходимым — но недостаточным условием для того, чтобы называть тот или иной феномен религиозным. Третье необходимое условие — требуется “соответствующее поведение и специфические действия (культ)”.

Не стану вдаваться в долгие рассуждения, ограничусь тем, что ни в одном из направлений Толкинистики, даже в самых “замороженных” и “мистических”, как ни пытайтесь, не удастся отыскать ничего, что можно было бы считать культовыми действиями. Однако, поскольку меня заинтересовал этот вопрос, я сделала попытку ознакомиться с противоположными мнениями на этот счет. Приведу цитату из некоей статейки, найденной в Интернете:

“На играх зачастую происходят как языческие так и сатанинские обряды. Так на игре Древняя Русь 97 еще до начала игры, непосредственно при входе на полигон от каждого желающего участвовать требовалось в обязательном порядке принести жертву идолу Перуна”.

Моделирование обрядов той или иной религии в процессе проведения ролевой игры является действием чисто театральным. Игра она игра и есть. Игруют люди! Разыгрывают, например, какой-то период истории Руси дохристианских времен, так что же им делать, как не отыгрывать обряды славянского язычества? Впрочем, полемика с авторами данной конкретной, скажем, статьи, исчерпывается на мой взгляд одной-единственной цитатой — из них же: “Книги Толкина содержат прямую пропаганду так называемых “общечеловеческих ценностей” что позволяет рассматривать издание его книг, как очередной шаг в идеологической войне Запада против России”.

Дальнейшее обсуждение этого источника информации о Толкинистских культах представляется мне несколько бессмысленным. Что касается так сказать “обрядовой” стороны в вопросе выбора имени или проведения обрядов побратимства... Почему их стоит считать культовыми действиями, а прием в пионеры, например, нет? Обряд посвящения, приема в какую-либо компанию Толкинистской среды имеет куда больше общего с приемом в пионеры, чем с крещением, к примеру, а, в общем, даже прием в пионеры в той или иной форме предлагает человеку со-участие в некоей, определенным образом осмысленной модели мира и претендует на то, чтобы так или иначе структурировать поведение нового члена. В случае с толкинистскими “обрядами” речь не идет ни о каких подобных вещах. Человек просто получает “прописку” в том или ином сообществе, которая ни к чему не обязывает и не требует никакой реструктуризации поведения.

Итак, вопрос о культовых и обрядовых действиях Толкинистов и представителей ролевого движения, представляется мне, на этом можно закрыть.

Вернемся к рассмотрению Толкинизма как одного из вариантов (или направлений) веры в

сверхъестественное. Действительно, некоторым направлениям Толкинизма свойственна вера в сверхъестественное, т.е. что-то, выходящее за рамки обыденных представлений. Но идет ли речь о “вере в существование бога или богов как той или иной разновидности сверхъестественного”? (Вспомним определение веры, приведенное выше). Существуют определенные представления, подразумевающие 1. Возможность реинкарнации, в частности, воплощения, нового рождения в другом мире; 2. Существование, помимо этого мира, каких-то еще миров, будь то Средиземье, описанное Толкином, еще какой-то мир, описанный в каком-либо другом произведении фантазии или что-то вообще третье (пятое, двадцать пятое). 3. Возможность каким-либо образом фиксировать, узнавать события, происходящие в упомянутых иных мирах, либо помнить о них; 4. Возможность каким-либо образом действовать не в одном, а в, к примеру, двух различных мирах; 5. Возможность тем или иным образом общаться со, скажем, существами, живущими в других мирах.

Системы подобных представлений крайне разнятся от компании к компании и даже зачастую от человека к человеку, никакой единой, проработанной системы не существует, каждый думает так, как ему нравится. Кто-то считает, что другие миры есть, но обитать сразу в двух мирах — нельзя, кто-то — что помнить события из другого мира можно, а видеть — нельзя... кто-то наоборот... Короче, какую систему не сформируй из предложенных загластей, кто-то да думает наоборот. Но, как видно из приведенного списка, “та или иная разновидность сверхъестественного” есть, а вот богов — нету. Как правило, никто не задается вопросами вроде: “а кто всем этим управляет?” Думаю, вполне видно, что Толкинизм как вариант веры в сверхъестественное тем не менее и в этом пункте не подпадает под категорию религиозных феноменов.

Можно ли считать, что Толкинизм задает систему символов, и если да, то как и каких? Существует ли (вспомним опять определение религии) некое специфическое “мировоззрение и мироощущение”? Давайте посмотрим на произведения Толкина и попробуем представить: а какую модель могут предложить эти символы, если не вдаваться в рассуждения, а какой эпос там использовался. Это-то как раз совершенно неважно в рассматриваемом контексте.

Не стану занимать ваше внимание долгими рассуждениями; лучше просто припомните, что движет героями книг Толкина, да, в общем, и героями “Черной книги”? Верность слову, отвага, милость и честь... Да стоит ли вдаваться в подробные перечисления?

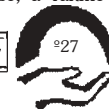
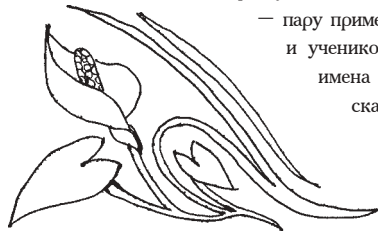
И что? Неужели здесь вида какая-то особенная “Толкинистская” система? Система символов, обеспечивающая осмысленность человеческого поведения, тут совершенно некая-то специфическая, а самая что ни на есть старая и добрая система тех самых общечеловеческих ценностей и прописных истин, которая старше и Толкина, и Толкинизма...

Ну а о христианстве в произведениях Толкина и без меня давно уже сказано предостаточно слов.

И, напоследок, вместо того чтобы по пунктам формулировать какие-либо выводы, которые, на мой взгляд понятны и без того, скажу несколько слов о том, почему нам вообще захотелось затронуть эту тему. Смирно хотелось бы просить не подводить под Толкинизм никакой религиозной базы. Потому как сначала вы под нас — базу, а потом мы вместе с базой — под статью. Под какую? Позволю себе занять ваше внимание еще на пару минут.

В журнале “Профессионал”, официальном печатном органе МВД России (на это прошу обратить внимание особо!) попалась мне статья под названием “Религиозные культы зла как источники преступности”. Опишу многие моменты, столь же загадочные, сколь и смешные

— пару примеров только: по этой статье судья, Ричард Бах является сатанистом и учеником Алистера Кроули. А сатанисты в своих обрядах упоминают имена не только демонов и языческих богов, но также отрицательных сказочных персонажей. Этакая секта карабасовцев и бабистов-ягистов. Ну да ладно. А теперь цитата, не такая смешная: “Любые учения, признающие идею реинкарнации, являются совершенно неприемлемыми...” “Экуменизм, эклектичность и размытые формулировки в духовно-нравственном пространстве, а также

утверждения, что истин ЯКОБЫ много выгодны только для сокрытия криминальности и деструктивности...” Очень это все напоминает уже упоминавшуюся преступную пропаганду так называемых общечеловеческих ценностей, разве что сайт каких-то людей из Нижнего это одно, а журнал МВД России — совсем другое...

Право слово, господа!.. Ну докажете вы, что Толкинизм — религия, ну обзовут нас сектой. Вам ничего, а нас разгонят.

Олег Лошманов

Так не было, но так могло быть...

Совпадение миров Арды и Арты орвергают потому, что они были сотворены, как это описано в книгах, по-разному. Но для моих целей это не столь важно, хотя прежде следует высказать мое мнение по поводу определенных вещей: во-первых, кто такой Эру. Иллет и Ниеннах не дали ответа на этот вопрос (недословная цитата из “ЧКА” : “... никто никогда не скажет, откуда пришел Эру...” Поэтому я за собой оставляю право на счет этого высказывать свое мнение.

О Сотворении мира. Как известно, самое первое творение происходит из ничего. Если же придерживаться идей “черной” Айнулиндалэ, первое, что творит Эру, он творит из пустоты, созданной им в Эа. Хотелось бы заметить, что творец, как перводвигатель и Актив для творения организует некий несотворенный Пассив, или Ничего, которому он ему придает структуру, и получается некое творение. В Эа кроме тьмы нет изначально никакого Пассива и кроме света нет изначально никакого Актива, поэтому только Тьмой и Светом он и мог воспользоваться. Чтобы сотворить так называемую пустоту, он пользовался этими начальными формами: Светом и Тьмой. Из этого вытекает, что Пустота- это не то, что Ничто, и что Пустота не может быть, как называют авторы, лакуной в Эа, потому что организовав некую часть Эа в Пустоту или “создав Пустоту” в Эа, Эру лишь локально усложнил структуру, но не дезорганизовал Эа в первоначальное Ничто.

О не — Тьме, иначе говоря, не — Свете. Из сказанного, следует, что Тьма (она же не — Свет) все же является Светом, т.к по своим свойствам не пассивна, а активна. При этом свет Арды и чертогов Эру все же не идентичен свету Эа, потому что не выделен из изначально Пассива, а вызван к существованию цепочкой преобразований: *Ничто Тьма и Свет Эа Пустота Тьма (2) и Свет(2)* (все по “ЧКА”). Это естественно, потому что желая сотворить новый мир, а не повторить некую часть Эа, ему пришлось воспользоваться более структурированными источниками, чем первоначальные элементарно существующие обычные изначально Свет и Тьма.

О Мелькор: “Сильмариллион” не дает нам почти никакой почвы для догадок, почему он взбунтовался, а именно этот эпизод является ключевым. “Черная” Айнулиндалэ предоставляет возможность найти подход к разъяснению этого события. По “ЧКА”, Мелькор — единственный, кто при рождении принял в себя частицу Эа и потом прозрел за пределами чертогов Эру. Он себя противопоставил якобы неестественной, губительной не-Тьме и Пустоте. Он не мог существовать в ином направлении, ведь если Мелькор- герой Света Эа, в мире Арды он есть воплощение таких сил как инерция и энтропия, потому что каждый конкретный его поступок — хоть и не всегда проявление инерции или энтропии, но в целом ведет к торжеству этих сил бытия. Потому что свет Эа по отношению к свету Арды как некое структурированное бытие есть псевдо-Пассив, а свет Арды по отношению к нему — так сказать, супер-Актив. Реальность же, Бытие, определяется как существование Актива, творческих сил, и Пассива, сырья, и процесса перехода одного в другое (по теории диалектики). Поэтому Мелькор — все же Враг, потому что его деятельность для мира Арды в каждый данный момент нежелательна, хотя в перспективе необходима и неизбежна. Свет Эа, подчиняясь закону бытия сотворенного, по отношению к свету Арды является Псевдо-пассивом. Мелькор же есть проявление инерции, которая стремится вернуть все в лоно. Это не полное разрушение сотворенного, а лишь дезорганизация до элементарных частиц Актива и Пассива.

Непрерывное творение снова их использует.

Такой подход объясняет феномен расширения Вселенной с тенденцией к разряжению. В ее сердце пассивные силы постоянно ассимилируют активное по отношению к себе бытие, которое в свою очередь непрерывно увеличивают протяженность своих границ, спасаясь от преследования хаотических сил. Поэтому в контексте Арды Мелькор является врагом, задуманным Эру, а уход людей после смерти за прелелы Арды есть форма спасения творения от наступления хаотических сил. Поэтому если можно Мелькора представлять как Врага, то только по отношению к силам его же уровня (а именно Валарам), по отношению к Эру и по отношению к низшим силам и расам он не является Врагом.

Вопросы:

К.Кинн: А Вы читали “Айнулиндалэ” (*аплодисменты, заглушающие вопрос*) в варианте Толкина? И насколько внимательно Вы его читали?

И во-вторых, мне не понятен термин “инерция”, потому что то, что Вы имели в виду — это “инертность”. Они имеют разное значение.

Магистр оккультных наук: Кроме того: меня очень интересует, знает ли докладчик элементарный закон сохранения энергии? (*смех и аплодисменты*)

Из зала: Формулу, пожалуйста!

Ирина Шрейнер Феномен ниеннизма

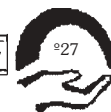
Начну с цитаты из, если я не ошибаюсь, “Ортодоксии” Честертона: “Отвергнутый влюбленный объединяет луну и погибшую любовь, ученый — луну и прилив. В обоих случаях общего только то, что их часто видели вместе”.

К так называемому ниеннизму это приложимо в полной мере. Что считать ниеннизмом и кого — ниеннистом? Человека, которому нравится данная книга? А что мы будем делать с людьми, которым нравятся какие-нибудь другие книги? Книг-то много, “...измов” не хватит. Что общего между людьми, которым нравится “Черная книга”? С совершенной точностью могу сказать: ничего. В очень многих случаях ничего между ними нет общего, поскольку под общей “рубрикой” объединяют как правило вещи, никакому объединению не поддающиеся. Если угодно, ниеннизм — это не один “феномен”, а несколько.

Сейчас я совершенно не намерена разводить разговоры на тему, что же авторы сказали, хотели сказать, но не сказали, не хотели говорить, но проговорились... Для рассуждений о том, что хотел сказать автор, всегда есть автор. Я стану говорить не о “Черной книге”, а только о ее восприятии. О ниеннизме. Или, если угодно, о ниеннизмах. Конечно, сложно будет говорить о восприятии книги, не говоря ничего о самой книге, но я постараюсь не свернуть на скользкую дорожку императивной критики, когда что и как надобно писать решает не автор, не читатели даже, а — критик. Итак...

Первый вариант восприятия, скажем, направлен по наиболее проторенному и традиционному пути: конечно же, романтизм. Причем не в понимании КСП-шной романтики, а самый что ни на есть классический романтизм 19 века. И множество последователей, так и рвущихся немножко по-страдать за компанию... Ну не нами началось, не нами. “Сколько молодых людей, и не подозревавших, что они — Вертеры, ждали только выстрела гетевского героя, чтобы покончить с собой...” Нет-нет, речь конечно не о том, что ниеннисты имеют привычку стреляться или вешаться, но параллель, думаю, достаточно ясна.

Путь второй: апологетика социальной неуспешности. По большому счету героев (именно героев) “Черной книги” трудно “обвинить” в социальной успешности. Герой признается таковым за счет неких действий, совершаемых им, а не за количество кирпичей, которые упали ему на голову, но, в качестве награды за совершенные действия (признаваемые правильными и героическими де факто в контексте книги), он не получает никакой награды либо признания. Вот Мелькор, к примеру, хороший, и вроде как не потому, что по голове получил, а потому, что совершал правильные и хорошие действия (опять же де факто в контексте книги). Но за свою хорошость он не получает никакого вознаграждения, даже в варианте признания обществом в целом, оставаясь, тем не менее, героем и хорошим. Это направление

сближает книгу с произведениями Сэлинджера или Ричарда Баха, тоже во многом являющиеся апологетикой социальной неуспешности.

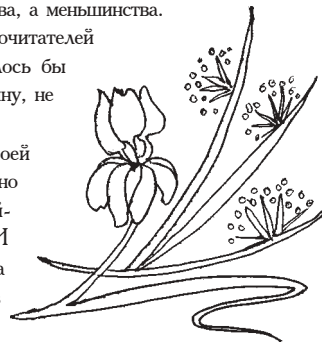
Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление. Однажды по радио в какой-то передаче прозвучала цитата — до сих пор хотелось бы знать, откуда она. “Людам часто свойственно думать, что добро и зло — это две армии с развернутыми знаменами, которые сражаются друг с другом. Но на самом деле добро — это свет, озаряющий попеременно знамена то одной армии, то другой. Ненадолго он может задержаться на стороне победителей, но чаще остается с побежденными...” Так вот, среди возможных путей восприятия, даже не так, приятия, принятия “Черной книги” начисто отсутствует такой, при поверхностном рассмотрении естественный вариант: эту книгу совершенно нельзя принять как сатанинскую. На основе поверхностного рассмотрения ее можно отвергнуть как сатанинскую, а вот принять — никак нельзя. Поскольку сатанизм является культом и апологией силы, именно, в первую очередь и только силы. А “Черная книга” ни в каком варианте хоть сколь-нибудь внимательного рассмотрения апологией силы считаться не может. Скорее уж апологией слабости... И именно с этой точки зрения — к сожалению! — ниеннизм оказывается удобен и привлекателен для третьего направления “ниеннистов”: как удобное и красивое оправдание собственной слабости и собственного ничегонеделания в любой области — даже в области, ну, назовем это завоевания любви окружающих. Как правило считается, что для того, чтобы тебя окружающие любили и ценили, надо что-то делать. А тут вдруг возникает мысль, основание для которой люди ухитряются изыскать в “Черной книге”, что для этого достаточно красиво и р-романтично страдать. Что уж тут говорить, среди Толкинистов не-ниеннистского толка (а звучит-то бредовато, но что поделаешь!) есть подобного же сорта люди. И тем не менее, ниеннизм предоставляет им более удобную “экологическую нишу”.

Четвертое направление восприятия “Черной книги” основано именно на том, что это — переосмысление, взгляд с другой стороны. Во-первых, это дает куда как больший простор, чем, ну, традиционный Толкинизм для написания каких-то собственных апокрифов. В рамках Толкинизма дописывать и переписывать нечего. Книги Толкина отличаются этим изумительным свойством английской литературы: они закончены. Завершены. Совершенно равновесны внутри себя. И найти “поле для деятельности” внутри настолько уравновешенной системы очень трудно. И не только даже в именно законченных его вещах, таких, как “Хоббит” и трилогия, но даже в систему Сильмариллиона вписать что-то оказывается куда затруднительнее, чем в “переосмысленное пространство” Средиземья “Черной книги”.

Во-вторых, оказывается очень привлекательной (кстати сказать, в нашей стране — особенно) идея правильности и праведности, *правости* другой стороны. Не общества в целом, а исключения. Возможно, исток этого стоит искать еще и в том, что для людей 20-го века, людей, живущих в современном обществе, для кого-то на сознательном, для кого-то — на подсознательном уровне оказывается очень мучительной мысль, чувство, назовите это как угодно, о собственной полной невозможности влиять на события и процессы, даже не происходящие в окружающем мире, а — формирующие окружающий мир. Возможно, в этом стоит видеть и одну из основ Толкинизма в целом, но ниеннизм дает опять-таки больший простор как взгляд, предполагающий правоту не большинства, а меньшинства.

Мы уже сказали, почему “Черную книгу”, ее авторов и ее почитателей нельзя никоим образом привязать к сатанизму. Теперь нам хотелось бы сказать несколько слов о том, почему эта книга, в противовес Толкину, не может считаться христианской.

Христианство совершенно четко предполагает наличие некоей одной, настоящей и всеобъемлющей истины и, следовательно, совершенно четкое деление на категории не только “друг-враг”, но и “хороший-Враг”. Из песни слова не выкинешь, а из христианства — Врага. И не только, кстати сказать, из христианства, из сознания человека христианской культуры — тоже. Столько веков существования в определенной морально-этической системе значительно обуславливают аксиоматику мышления, не только христианина, но

даже атеиста или, к примеру, неоязычника. Показательно, что вторая редакция “Черной книги”, в отличие от первой, просто сместила акценты, значительно сильнее ориентирована именно на идею отсутствия разделения на хороших и плохих, построенного на идеологической, если можно так сказать, основе. Цвет А хороший, цвет Б — плохой. Еще более показательно то, что среди многих людей, объединяемых в категорию ниеннистов, такое смещение акцентов вызывало достаточно резкое неприятие. Система четкого разделения, обозначенного демаркационной линией цвета проще и понятнее не за счет того, что примитивнее, а за счет того, что ближе к сложившейся системе аксиоматики.

На самом деле, как бы странно это ни прозвучало, мы бы назвали эту книгу глубоко либеральной, ибо именно либерализм одной из основных и первейших ценностей называет свободой личности, ставя ей едва ли не единственное ограничение: “свобода личности ограничена только свободой другой личности”. Приложите эту максиму к “Черной книге”, и посмотрите, что получится. Потому что пятое, и, наконец, самое главное, что оказывается в ней привлекательно для людей и делает их “ниеннистами”, это то, что “Черная книга” — книга о праве человека на свободу быть самим собой.

Вопросы:

Из зала: Как это не сатанинская книга? Для Толкина было очевидно, что Мелькор — это Моргот, это Враг, это Сатана, и читая “Черную книгу”, мы видим, что это другой взгляд на Врага: Враг хороший, Сатана хороший.

Из зала: Можно я отвечу?

И.Шрейнер: Вот, пожалуйста, хотя бы ответить вместо меня...

Ответ из зала: Сатанисты не рассматривают сатану с точки зрения того, что он хороший.

И.Шрейнер: Сатанизм — это апология силы.

К.Кинн: Есть “сатанинский” — это одно. Есть “сатанистский” — это другое. В докладе было сказано “сатанистский”. К сатанизму это, действительно, не имеет отношения, а вот к сатане самое прямое.

И.Шрейнер: Каким образом? Это не христианская книга...

И.Титоренко: Господа, я просил бы просто, чтобы не переходили какие-то рамки, чтобы не обижать...

Дискутирующие: Никто никого не обижает.

И.Титоренко: Это может быть оскорбительно для авторов...

Н.Васильева: Для автора доклада или для меня?

К.Ярцева: Для авторов книги, наверно.

И.Титоренко: Для Толкина и для вас.

Н.Васильева: Для меня — нет. Для автора “Исповеди стража” — спросите у нее.

И.Титоренко: Тогда пожалуйста!

И.Шрейнер: Еще... эта книга не может считаться каким — либо образом сатанинской на мой взгляд, поскольку, я уже сказала, она не имеет отношения к христианству, а сатанизм входит в пространство именно христианского мировоззрения.

Из зала: Уважаемые, дело в том, что, прочитав “Черную Книгу” в первый и последний раз, я увидел в ней прямую апологию Сатаны.

И.Шрейнер: По-моему, я уже говорила, что такой взгляд может возникнуть только при поверхностном рассмотрении “Книги”.

(одна часть аудитории возмущена, другая выражает одобрение аплодисментами)

Я никого не хочу обидеть, я цитирую свой доклад...

Д.Виноходов: Я хотел бы поддержать докладчика. “Черная книга Арды” не является сатанинской. Любая сатанинская концепция, будь то: альбигойцы, богомилство, белое братство *(смех аудитории)* несет в себе отрицательное мировосприятие. Приверженцы этих концепций считают мир сущий злом. “Черная книга Арды” мир сущий злом не считает.

К. Кинн: Ой, ли?..

Заключительное слово

Мне бы хотелось, во-первых, поблагодарить всех участников нашего сегодняшнего заседания, наших докладчиков, потому что, как мы видим сейчас, обсуждение получилось необычайно насыщенным, гораздо более оживленным, чем это предполагалось. Возможно даже возникло больше вопросов, чем ответов. Собственно говоря, как и было сказано в самом начале, это пробное мероприятие, которое вполне можно считать состоявшимся.

И тот интерес к тематике нашего сегодняшнего обсуждения, количество вопросов, живейшее желание принять участие в дискуссии, высказаться, конечно, дает понять, что необходимы дальнейшие подобные мероприятия, посвященные уже какой-то конкретной теме, узко взятой, узко рассмотренной, конкретной теме, где, действительно, можно как-то заранее ограничить круг сразу возникающих вопросов и придти к каким-то выводам.

Но вот сейчас в заключении хотелось бы отметить, что поскольку необычайно бурную реакцию, необычайный интерес, самые противоречивые высказывания вызвали различные мнения о религии применительно к толкинизму, в соотношении с толкинизмом как внутри, так и снаружи, исходя из этого можно сказать, что было бы вполне разумным провести когда-нибудь обсуждение именно этой темы, провести круглый стол на тему “Толкинизм и религия”. Я подчеркиваю: это ни в коем случае не “Религия в толкинизме”, а “Толкинизм и религия”.

Сегодняшнее мероприятие можно считать состоявшимся и вполне завершено

П.Чистяков

----- ПРИЛОЖЕНИЕ -----

Ирина Шрейнер

Несколько слов в защиту эскапизма от эскапизма

Для того, чтобы построить любую систему требуется набор аксиом, принимаемых за истину безо всяких к тому доказательств. Давайте попробуем не принять за истину аксиомы планиметрии и посмотрим, что у нас выйдет. Полагаю, ничего. Во всяком случае, никакой евклидовой геометрии у нас не останется. Хотя нельзя не признать, что для геометрии Лобачевского аксиомы классической геометрии могут и оказаться ошибочными.

В свою очередь, позиция мировосприятия любого человека напрямую зависит от набора аксиом, которые он бездоказательно принимает за истину. В которые, проще говоря, верит. Последнее время мне прискорбно часто встречаются разнообразные статьи, авторы которых постоянно смешивают термины “вера” и “религия”, произвольно подменяя одно другим. Можно, конечно, рассмотреть четкие словарные значения этих терминов, но мне представляется более простым обойтись примерами. Понятие “веры” как таковой много шире, и что уж говорить о разных внерелигиозных мировоззренческих системах — я например, вынуждена принимать на веру что у Луны есть обратная сторона: мне сообщили об этом люди, которым другие люди сообщили, что какие-то третьи люди ее, вроде, даже видели... Не сомневаюсь, что в зале нет ни одного человека, своими глазами лицезревшего обратную сторону Луны. Итак, вера — убежденность в истинности того, что не доказано с несомненностью. Любая аксиоматика в любой области человеческой жизни — вопрос веры.

Теперь добавлю к своим рассуждениям еще один термин: эскапизм. До сих пор мне не встречалось более удобного ярлыка, который можно приклеить на любую подходящую поверхность, например, на чей-то лоб. Ну что такое эскапизм? Бегство от действительности? А сразу возникает вопрос: ну и что такое действительность? Спору нет, каждый человек свое восприятие действительности считает правильным — или ты считаешь какое-то мнение правильным, или это не твое мнение. Мне трудно представить себе кого-то, кто придерживается определенных убеждений, считая их при этом ошибочными. При этом понятие “эскапизм” очень просто сводится к тому, что человек сбежал из моей действительности (вернее

из моего — правильного! — варианта восприятия) в какой-то свой неправильный. Но он-то, в свою очередь, может думать точно так же. Чем более расплывчато определение того или иного термина, тем проще его применять.

Итак, существует, скажем, некоторое количество людей, которых я даже общностью назвать поостерегусь, поскольку никакой координации и взаимосвязи, объединяющей всех этих людей попросту не существует. Я даже Толкинистами или “толкнутыми” назвать их поостерегусь, поскольку оба этих термина совершенно не проработаны, не имеют четких определений и, в силу этого, фактически не могут даже считаться терминами.

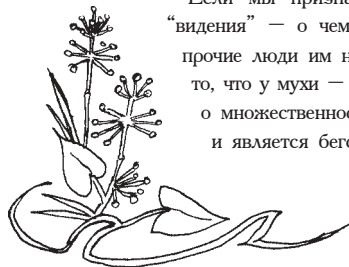
Речь пойдет о людях, которые считают реальным существование других миров, в частности того же Средиземья, описанного Толкином, считают, что в прошлой, скажем, инкарнации, жили в этих иных мирах, либо могут “видеть” — тем или иным образом воспринимать, узнавать происходящие там события.

Что же это? Эскапизм? Бегство от действительности? А почему, собственно? Мы имеем дело всего-навсего с аксиоматикой, несколько отличающейся от общепринятой... То есть, если принять, что мир — один, либо, что реинкарнаций не существует, либо, что события происходящие в других мирах фиксировать никаким образом невозможно — словом, если считать общепринятую точку зрения — действительностью, тогда да. Тогда несомненно. Бегство от действительности и есть. Но все сводится к уже приведенному утверждению: человек сбежал из моего правильного восприятия действительности в свое неправильное. Причем неправильное потому что не мое.

И еще несколько слов. Мир — какой-то, любой — это далеко не только физические реалии. Магия, техника, боги, гомеостатическое мироздание... Далеко не только. И даже не в первую очередь. Мир — мир людей — это прежде всего точка зрения, позиция мировосприятия. В принципе, два соседа, живущие в одном подъезде, могут при этом проживать в совершенно разных мирах. Только в принципе — поскольку мировосприятие во многом задается обществом и воспитанием, которое у них окажется скорее всего одно на двоих. Если привести пример из фэнтези — то вот возьмем мир Сапковского и Средиземье Толкина. “Джентльменский набор” — один и тот же. Маги, эльфы, драконы, Темная Империя... Но мир Сапковского — обыденность, а Средиземье — чудо. И только потому, на мой взгляд, что жители (или персонажи, как угодно) одного мира воспринимают эльфов, магов и драконов как обыденную реальность, привычную и скучную, а жители другого — не перестают воспринимать эльфов и магию как чудеса.

Или, если не лазать во “вторичные миры”... Кто возьмется утверждать, что римская Испания, Испания Сида и Испания Кортеса — один и тот же мир? Или Рим Республики и Рим Ватикана? В одном городе — храмы Юноны и Нептуна, под каждым кустом лары сидят, а в другом городе — наместник Святого Петра и священники сидят — опять-таки под каждым кустом. Это один и тот же город? Один и тот же мир? Правда? А почему — потому что география одна и та же да язык похожий? Как угодно, но по мне — это еще не повод. Мир, в котором жил человек 10-го века и мир, в котором жил человек времен 30-летней войны — один и тот же весьма условно, для “стороннего”, если угодно наблюдателя из 20-го века. Но, впрочем, это тема отдельного разговора. Вернемся к эскапизму, действительности и иным мирам.

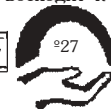
Обсуждаемый комплекс утверждений входит в “пространство”, если угодно, веры именно потому, что ни истинность, ни ложность этих утверждений не доказаны с несомненностью.

Если мы признаем действительным существование иных миров и возможность “видения” — о чем вообще говорить? Ну, есть такие миры. Ну, люди их видят. А прочие люди им не верят. А в круглую землю люди тоже когда-то не верили... А в то, что у мухи — четыре ноги, наоборот верили... Рассмотрим приведенное утверждение о множественности миров и “видений” с той точки зрения, что все это — неверно и является бегством от действительности.

Вопрос — от какой именно и куда именно?

Начать мне хотелось бы издали: с книги Макса Вебера “Протестантская этика и дух капитализма”, где показано, что создание продуктивного капиталистического общества восходит к

европейской религиозной Реформации, которая произвела глубочайший переворот и мировоззрения и ценностей верующих, а ими в те времена было подавляющее большинство населения. Система ценностей, в которой до того жестко превалировал постулат о спасении души, сменилась иной, основой которой стала доктрина о божественном предопределении, согласно которой часть людей исходно предопределена к блаженству, а остальные прокляты навек — еще до основания мира — и вытекающий из нее тезис Кальвина: наилучшее средство обрести уверенность в собственном спасении — неутомимая работа. Самым тяжким грехом для протестанта стала бесполезная трата времени — и не только на праздную болтовню, увеселения, но и на добрые дела, если они отвлекали человека от выполнения его профессионального долга. Так вот, к чему все это? Не потому ли еще во “вторичных мирах” фэнтези (будем называть их именно “вторичными”, по терминологии Толкина, поскольку сейчас мы рассматриваем все с той точки зрения, что никаких иных миров на самом деле нет) так вот, не потому ли во “вторичных мирах” показано, по большей части, пусть и идеализированное, но именно феодальное общество, что именно там, во времена до появления нравственного императива Реформации, можно найти — хотя бы легендарное — общество, построенное на примате духовных ценностей?

Приведу размышления американского литературоведа Лесли Фидлера: “Понятия славы, чести и отваги теряют всякий смысл, когда западный человек, номинально оставаясь христианином, приходит к твердому убеждению: самое худшее, что только может с ним случиться, — это умереть, когда впервые за последнее тысячелетие стало возможным заявлять во всеулышание, что нет такой святости, ради которой стоило бы идти на смерть. Новое умонастроение, отрицающее наличие идеалов, во имя которых возможно ставить на карту жизнь — человечества, нации или просто многих людей, — принимает разные обличья, но в конечном счете сводится к формуле: “Нет ничего, за что стоило бы людям жертвовать собой, нет ничего, за что стоило бы умереть мне!”

Теперь попытаемся приложить к этой системе поведение героев Толкина... А у нас получится? Думаю, что результат будет не лучше, чем при попытке рассматривать теорему Пифагора, одновременно отрицая аксиомы планиметрии, поскольку система ценностей, в которой действуют персонажи Толкина предполагает наличие определенного набора аксиом, причем совершенно не такого, а в чем-то даже противоположного аксиоматике высказывания Фидлера.

Не стоит ли подумать о том, что, возможно, эскапизм — в том понимании этого термина, в каком он приложен именно к Толкинистам в частности и любителям фэнтезийной и фантастической литературы вообще — так вот, этот самый эскапизм, “вызван к жизни” именно все большим и большим разхождением аксиоматики? Когда книги декларируют одно “хорошо”, а система ценностей окружающего мира — совсем другое? Когда с детства книжками, пусть теми самыми книжками Толкина закладывается идея: “так хорошо”, а потом окружающее начинает диктовать какое-то свое, совсем другое “так правильно”, возникает смутное раздражающее ощущение некоего абсурда, требующее от данной конкретной личности поиска выхода из сложившейся ситуации. Либо таким выходом окажется “здоровый цинизм”, хотя, признаться в цинизме я не вижу ровно ничего здорового, либо это будет декларативное утверждение вроде: “я не верю, что правда такова, какой вы хотите мне ее представить. Я не верю, что отвага, милость и честь — химеры, и, если не здесь, значит, есть другие места и времена, где...” Либо требуется некий вариант просто-таки оруэлловского двоемыслия.

Итак, подведем некоторый итог.

От системы ценностей, описанной Фидлером, Вайлем, Вебером и многими другими, хоть бы и Фрэнсисом Фукуямой, скажем даже, не от системы ценностей, а от набора аксиом, люди бегут в систему ценностей толкиновских персонажей, где в цене и в ходу отвага, милость и честь.

Предполагается, что это плохо... Да? А почему?

Если что и плохо, то, по-моему, не это.

Даже в том случае, если принять теорию других миров и видения — ошибочной, в том смысле, в каком вообще какую-либо систему аксиом можно считать ошибочной, это не болезнь, а симптом. Может быть, симптом болезни общества в целом, поскольку проблемы этические и культурологические могут иметь для общества значение не меньшее, чем взрыв атомного реактора.

Итак, множественность там миров, или не множественность, мы имеем дело просто с другой аксиоматикой, во многом с той самой старой доброй “эвклидовой геометрией” общечеловеческих ценностей, которые можно проще и менее выпендренно назвать прописными истинами и которая куда как старше Толкинизма. Мы имеем дело с нежеланием принимать мир, где героизм Матросова, Зои Космодемьянской или Жанны Д’Арк “возведен” в ранг психиатрического заболевания (не буду голословна: Вайль, “Смерть героя”, например: “Крайние примеры — такие альтруисты-невротики, как Александр Матросов или Зоя Космодемьянская... им типологически присуще то, что в психиатрии именуется “нарушением порядка общественных кругов”), мира, где нет ничего, за что стоило бы умереть... Ах, как хочется сейчас напомнить Некрасова: “Иди на смерть за честь отчины, за убеждения, за любовь...” — но это ладно.

Так хочется — даже не верить, знать несомненно что где-то там, пусть даже где нас нет... Ну пожалуйста, пусть! Быть может, то, о чем мы говорим, даже не вера, а надежда. Это все было бы верно, если бы только...

Вот тут мне и хотелось бы поговорить о плащах. Если вдуматься, ну что в них плохого? А ничего. Собственно, не в плащах даже дело. Если только дело не ограничивается одним плащом, и человеку не начинает казаться, что красивого и романтического прикида достаточно для того, чтобы почесть себя причастным к шкале ценностей, декларированной произведениями Толкина, если только не возникает, скажем, мнения, что система внешних символов способна заменить систему ценностей. Равен ли ты тому миру, в который стремишься? Равен ли — в отваге и милости? В доброте и доблести?

Ну, предположим, некий человек говорит, что в прошлой жизни он был... к примеру, Гэндальфом. Ну и что тут плохого? Гэндальф ты? Да пожалуйста! Сколько угодно! Никто же не мешает... Только, раз уж ты Гэндальф, пожалуйста, Гэндальфом и будь. Колдовство в этом мире как положено не действует? И что с того? Колдовство — дело десятое. Будь добрым, будь мудрым, будь веселым спутником и честным другом, и не где-то там, “где нас нет”, а здесь. Сейчас. С нами. Только не надо делать себе скидок на то, что “там”, мол, было Средиземье, а тут, мол, скушный и тошный мир. Ну и что? А ты — Гэндальф! Добрый, мудрый и веселый. А если ты — такой, то и мир, значит...

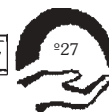
Просто потому, что веселье и добрые не живут серо и скучно.

Было бы здорово, если бы кто-нибудь когда-нибудь написал такую сказку: жил-был один человек... В чудесном-чудесном волшебном-волшебном мире. Эльфы дивные, драконы ужасные, рыцари благородные... Да хоть в Средиземье! Но был этот человек очень скучным. Драконов он не боялся — со скуки — и те повадились облетать его стороной, дружить он не умел, и рыцари объезжали его дом десятой дорогой, даже эльфы, которых он не видел сроду, ему надоели! И только яблони продолжали расти в его саду, хотя он никогда не радовался богатому урожаю, а только искал в яблоках червячков. Это была бы нужная сказка. Про то, что мы живем в том мире, жителями которого являемся. Хочешь жить в сказочном мире — вспомни, что скучные люди в нем не живут. И любой мир — таков, каков ты. Просто стоит подумать о том, что, может быть, это не мир плох, а “в консерватории пора что-то менять”.

Ты не хочешь признавать ценности, которые декларирует нынче этот мир? Ты полагаешь, что сначала было солнце а потом лампа, а вовсе не наоборот? У вас, в Средиземье в цене правда, милость и честь? Это же замечательно, так и живи. Если ты веришь в свой зачарованный мир — не предавай его. Не предавай свою веру. И какая разница, каким “измом” тебя приложат? Вспоминается к случаю цитата из Анчарова: там один человек пришел на выставку картин и послушал рассуждения искусствоведов. А у них все “абстракционизм”, “примитивизм”, изм, изм, изм... Он послушал-послушал и спросил: “А фашизма там нет? Тогда, может быть, все остальное — просто своеобразие?”

Так что, после всего вышеизложенного, мне хотелось бы задать вопрос: вам по-прежнему кажется во всем этом самым важным: есть жизнь на Марсе или нет?

Вы думаете, что дело в других мирах?..

Марк Хукер

Толкин еще ждет своего русского переводчика

Марк Хукер (Hooker) — американский исследователь при Индианском Университете. По образованию языковед, до пенсии страноведом. В настоящий момент заканчивает книгу “Толкин русскими глазами”. Является автором “The Military Uses of Literature” (история военлита послевоенного периода и включая Афган) и “Implied, but not STATEK” (учебник по словосложению русской разговорной речи).

Особенно интересно человеку постороннему смотреть на дискуссии о Толкине на Руси. Тематика вопросов и ярость участников, отвечающих на них, скорее, напоминают религиозные дебаты, нежели литературные, что для американца воспринимается с определенной долей удивления. Обсуждения реальности вторичного мира Толкина удивляют меня тем, что такого рода вопросы никогда раньше при мне не поднимались. Своим тоном и направленностью это обсуждение напоминает знакомые споры о существовании Рая. В прениях за круглым столом очевидно, что в русскоязычной среде решается вопрос о том, является ли толкинизм религией или нет. Некоторые говорят ДА, некоторые говорят НЕТ. Для меня, для человека постороннего, важен не сколько ответ, сколько факт, что он вообще задается.

Раз такой вопрос задается, то очевидно, что он решается для каждого индивидуума отдельно на основе собственной логики или собственных чувств, явных и подсознательных, и нет на него единого ответа. Как отмечали докладчики, нет единой толкиновской веры и признанных толкиновских обрядов. И нет единого “сакрального” (можно при желании без кавычек) текста. И не может быть такого, пока существует так много различных переводов.

У меня есть шесть русских переводов “Властелина колец”, девять “Хоббитов”, шесть “Сильмариллионов”, десять “Листьев кисти Нитля” и в самиздате шла еще несколько мне известных версий, которых у меня нет. Каждый из них имеет свою собственную философскую точку зрения. Иногда толкиновскую, но довольно часто иную. Цель моей книги — выявление этой точки зрения.

Пусть не каждый толкинист приходит к толкинизму через тексты Толкина, но философские прения насчет осмысления мира по-толкиновскому все-таки основываются на тексте. Основная масса толкинистов читать Толкина в оригинале не может. Только считанные единицы могут осмысленно принимать участие в спорах о том, как перевести слово *wizard* (почтенные Н.Степанова и Е.Кини, к примеру). Но это очень важные вопросы, потому, что из ответов на них строится основа для философского осмысления мира по-толкиновски основной массой русских толкинистов.

Мне кажется, что нужно сначала решить вопрос о “сакральном” переводе, а только потом перейти к вопросам значения текста. Таков западный подход к Библии, которая существует в нескольких разных английских переводах. У нас, даже при наличии сакрального перевода Библии, существуют так называемые “словари Библейского переводчика”, в которых излагаются и разъясняются смыслы каждого английского слова сакрального перевода в контексте на основе оригинала. Самые азартные верующие читают Библию только с таким словарем.

Приведу пример того, как неточный перевод одного слова может дать совершенно иной смысл тексту. В “Хоббите”, в главе первой (“Неожиданный прием”), где Торин описывает драконов в сжатой форме, Толкин определяет не только драконий, но и гномий нрав. В этом кусочке встречается английское слово “enjoy”, которое означает:

- 1) “наслаждаться” чем-либо
- 2) “пользоваться”, “иметь”

Например, “пользоваться доброй славой”. Перевод слова *enjoy* является ключевым моментом для понятия толкиновского смысла в этом описании драконов. Большинство из переводчиков не поняло о чем речь.

К. Королев (Терра — Фантастика, 2000) пропустил целую фразу, в которой слово находится. Три переводчика (Н.Рахманова, В.А.М и А.А.Грузберг) перевели его как “пользоваться”. Из них перевод

Грузберг наилучший потому, что остальная часть фразы более близка к оригиналу. “And never enjoy a brass ring of it” в его переводе — “никогда даже медным колечком не попользуются”. У З.А.Бобырь эта фраза получила еще другой смысл: “И никогда не тратят ни медного колечка из нее” (С. 29). В безымянном самиздатском переводе, который бродит по Интернету, говорится, что они “не поступятся ни медным колечком”.

Все эти варианты не противоречат общей линии рассказа, но это не то, что Толкин хотел сказать. Смысл фразы со словом *enjoy* подхватывается и расширяется следующим предложением. “На самом деле они едва отличают тонкую работу от грубой, хотя обычно неплохо представляют себе рыночную цену вещей”. В этом контексте ясно, что, когда Торин говорит “enjoy”, он имеет в виду эстетическое удовольствие, которое получает гном, когда смотрит на изящную работу мастера золотых дел. Это, определенно, гномья точка зрения, которую Толкин не раз напоминал. Ведь золото проходит красной нитью через весь рассказ. По этой нити можно вытянуть одну из толкиновских моралей: от вожделения золота идет зло. Из всех переводчиков только М. Каменкович это поняла. Она точно передала смысл, но в изящно измененном виде: “Не способные понять всей их бесценной красоты” (С. 29).

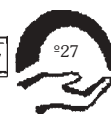
На самом деле этот кусочек текста звучит по-русски так: “Драконы воруют золото и драгоценности, знаете ли, у людей, и у эльфов, и у гномов, где только могут их найти; и стерегут свое награбленное добро всю свою жизнь (а считай, что это вечно, если не будут убиты), и никогда не наслаждаются даже медным колечком из него [награбленного]. На самом деле они едва отличают тонкую работу от грубой, хотя обычно неплохо представляют себе рыночную цену вещей; и ничего они не умеют делать сами, не могут даже укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне”.

Если Торин осуждает драконов за то, что они “не пользуются”, “тратят” или “не поступятся ни медным колечком” — это иной философский коленкор, нежели осуждение за то, что они “не наслаждаются” им. Первый Торин — практический материалист, второй Торин смотрит на вещи с духовной стороны.

С “Властелином колец” дело обстоит не лучше. Перевод Муравьева и Кистяковского — блестящий шедевр филологического и повествовательного искусства, но это не Толкин. Это, как метко отметила Н.Л. Трауберг, “манифест эковского бунта”. “Повесть о кольце” (якобы дело рук З.А.Бобырь) — просто другой рассказ с параллельными сюжетными линиями. Григорьева и Грушецкий — перевод слишком сокращенный. В.А.М — это хоть и упрощенный перевод, но по смысловой линии не самый плохой. Бывают у нее очень точные и элегантные формулировки. Академический перевод Каменкович и Каррик многословен, но без особых отклонений. (Ведь, как подметила Е.Кинн, он построен на основе В.А.М-овского перевода). В.Волковский (Терра Фантастика, 2000) — это высшее искусство словотворца, которое с наслаждением читается, но отсебятина у него излишняя.

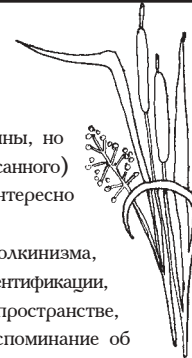
ИМНк, Толкин еще ждет своего русского переводчика, но надежда еще есть. Перевод А.А.Грузберг недавно вышел СК-РкМ-ом в новой переработке. Этот перевод так и остается наиболее соответствующим оригиналу и наименее руссифицированным. В письме Рейнеру Унуину Толкин пишет: “В принципе, я очень возражаю против всякого “перевода” номенклатуры (даже человеком сведущим). Не понятно, почему переводчику вздумалось, что он призван или уполномочен что-либо в этом роде делать. То, что это “выдуманный” мир, не дает ему никакого права перестроить его по своей прихоти, даже если он мог за несколько месяцев воссоздать новую последовательную структуру, на что у меня шли годы. [...] Книга-то ведь английская, написанная англичанином, и, надо полагать, что те, кто хотят, чтобы ее повествование и диалоги были переведены на понятный им язык, не должны требовать от переводчика намеренного разрушения местного колорита”. (Английское издание писем, стр. 249-50, перевод докладчика).

В новом переработанном, еще не дошедшем до меня, Грузбергском переводе таится надежда удаления изъянов и усовершенствования одного из первых, если не самого первого (середина 70-х годов), переводов “Властелина колец”, бродивших в самиздате. Как Галадриэль сказала гному Гимли: “Я не предсказываю, потому что любые предсказания теперь напрасны: на одной руке лежит Тьма, на другой — только надежда. Но если надежда не обманет...”, то пусть и не все изъяны будут удалены, это будет стоить того, чтобы быть прочтенным. (цит. по пер. Грузберг)

Ксения Ярцева
Феномен неорелигиозности : “Обретение Себя” в толкинизме.

Представления толкинистов о мире и событиях, в нем происходящих, различны, но идентификация Себя с некой конкретной Личностью из мира, созданного (или описанного) Толкином, является отличительной особенностью мироощущения толкиниста. Интересно рассмотреть значение и значимость подобной самоидентификации.

С одной стороны, она представляет собой некий акт вхождения в культуру толкинизма, как существующего здесь и сейчас движения : Имя, как некое свидетельство самоидентификации, отделяет человека от современной культуры, создает своеобразный вакуум в пространстве, который наполняется категориями мира Толкина, происходит создание (или воспоминание об изначальном состоянии и активизация) Alter-Ego, Второго, нового “Я”.

С другой стороны, происходит погружение в реальность Средиземья. Таким образом личность может существовать в мире XX-го века и в Средиземье одновременно (в докладе г. Барковой речь шла как раз об этом) или иметь возможность, активизируя Alter-Ego, периодически погружаться во “Вторичный” мир. Любопытно, что в культуре толкинизма существует некий “обряд” Наделения Именем и Защита Имени, своеобразная инициация, присущая религиозным традициям с древних времен и сохранившаяся даже в современном христианстве в форме катехизации новообращенных.

Обретение Имени знаменует процесс вхождения в культуру и является путем к самопознанию через раскрытие в себе нового иного Я. Последнее существует параллельно, замещает или дополняет личность толкиниста: госпожа Баркова в своем докладе указала на особенность толкинисткой культуры — “жить одновременно в двух мирах” и на крайнюю степень “погруженности восприятия в Средиземье, когда человек действительно считает себя эльфом...”, раскрыв т.о понятия “параллельного существования” Личности и ее Alter Ego и “замещения” одного другим (для многих в культуре толкинизма — возвращение к истинному изначальному состоянию, что характерно для мифологического сознания, в котором, как верно заметил коллега (Д.Громов), существует некоторый изначальный мир, к исходному состоянию целостности которого человек возвращается (путем ритуала)бессчетное количество раз).

Но что значит “обретение Себя” в толкинизме?

В неорелигиозных движениях теряет свои ведущие позиции главный момент традиционных религий — Встреча со Священным. Напротив, широкое распространение получает мотив Обретения Себя, заключающийся не в Соединении с Абсолютом (личным или безличным), но в восстановлении некоей исходной Полноты собственной личности. Это Обретение Себя, представленное в сайнтологии(точнее, дианетике) способом восстановления психологического состояния , а в неоязычестве — Возвращением к истокам ,присутствует и в толкинизме. Здесь важен элемент создания (воспоминания?) Alter Ego, второго Я, через которое и возможно восстановление Полноты.

При этом Alter Ego выражает не только бессознательные стремления к совершенству и воплощение Идеала, но связано также с образом Зеркала — Отражения — известной мифологемой,представленной в различных религиозных традициях. Тема Отражения важна для манихеев и гностиков и связана с идеей Тайного Знания. Для библейской же антропологии характерна тема Человека как зеркала Бога. Более того раннему христианству не чужд образ Бога как зеркала человека (“Оды Соломона”). Современному сознанию отчасти свойственно замещение Бога собственной личностью. Вероятно поэтому столь популярными стали восточные представления : “Я — это всё. Вселенная, Бог...” с акцентом на то, что “всё во мне”, а не “я во всём”.

Таким образом, свойственное религиозному сознанию представление “Бог — зеркало человека”, представление экстраверта, замещается свойственной современной культуре обращенностью в глубины Себя. И компенсируется созданием Себя вне Себя, Alter Ego, Я вне собственного Я. Вероятно, можно сказать даже, что Alter Ego восполняет свойственную религиозному сознанию стремление к соединению с Абсолютом.

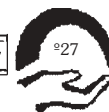

(1) Уинстон Хью Оден — выдающийся англоамериканский поэт, литературный критик. Родился в Британии, учился в Оксфорде, позже переселился в Америку. В Оксфорд он поступил в 1925 г., как раз когда туда перешел из Лидса Толкин. Студентом Оден интересовался древнеанглийской литературой и скандинавской мифологией. В зрелом возрасте пришел к христианству. Услышанная им в 1926 г. инаугуральная лекция Толкина произвела на него глубочайшее впечатление и определила его желание учить древнеанглийский язык, чтобы читать древнеанглийские поэмы в оригинале. Оден высоко оценил “Властелина Колец”, чем очень тронул Толкина. Завязалась переписка. Оден хотел написать о Толкине книгу, но тот не дал на это разрешения.

(2) J.R.R. Tolkien, “For W.H.A.”, *Shenandoah: The Washington and Lee University Review*, vol.18 no.2 (Winter 1967), pp.96-7. —

Т.Ш.

(3) Один (Воден) — верховный бог в религии викингов. Один — многофункциональная фигура: это поэт, колдун, воин, король, некромант, мистик, король. Характерно, что Один стоит вне законов человеческой морали: его мораль — власть и сила. Владыка Девяти Миров, Один сам добыл себе власть и знания. Сначала это одинокий странник, собирающий мудрость по всему миру. Получив копьевую рану, Один девять дней и ночей висел на ветвях соединяющего все миры дерева Иггдрозиль и, несмотря на свои мучения, смог за это время расшифровать надпись на коре дерева и открыл секрет магических рун. С помощью этих рун он освободился. Заплатив собственным глазом, он отпил глоток из источника мудрости у корней Иггдрозиль и навсегда остался одноглазым. Видя мудрость и силу Одина, другие боги признали его своим главой. Один обитает в Асгарде, откуда следит за происходящим на земле, правит богами, а в своем пиршественном зале — Валгалле — он собирает души умерших героев, и там длится бесконечный пир. Атрибуты Одина — магический жезл и кольцо Драупнир, в котором заключена мудрость Одина и которое каждые девять дней порождает другие восемь колец, в чем символизируется власть Одина над Девятью Мирами скандинавской мифологии. Кроме того, Драупнир делает Одина безгранично

богатым.

(4) “Кузница Виланда” — группа древних камней, находящихся неподалеку от границ Оксфордшира. Поверье гласит, что среди этих камней невидимо обитает древний бог Виланд, великий кузнец. Если оставить близ этого места неподкованную лошадь и монетку, через некоторое время лошадь окажется подкованной, а монетка исчезнет. Эту легенду обыграл Киплинг в повести “Пак с холма Пака”. В скандинавском пантеоне Виланд — это Велунд, чудесный кузнец, — он попал в плен к королю, который сделал его хромым, чтобы тот не убежал, и принудил работать на себя. Но Велунд отомстил королю и с помощью магии вырвался из плена. Миф о Велунде родственен греческому мифу о Дедале (здесь тоже некоторую роль играет мотив лабиринта). Виланд упоминается в “Беовульфе”, “Жизни Мерлина” Готфрида Монмутского и в “Кенилворте” Вальтера Скотта.

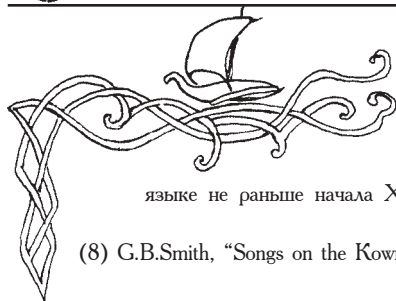
(5) См. W.Grimm, *Kie Keutsche Heldensage*, 3-е изд. (Gutersloh: Bertelmann, 1889), p.383, а также “О волшебных сказках”, с.386 (“Одно время господствовало мнение, что все эти сказания произошли от “природных мифов”. Олимпийцы, согласно этой теории, персонифицируют солнце, рассвет, ночь и т.д., а истории, которые про них рассказывали, первоначально были мифами (здесь больше подходит слово “аллегория”) о взаимодействии стихий и процессах, происходящих в природе. Затем в эпосе, героической легенде, саге эти истории были локализованы в реально существующих местах и очеловечены: действовать в них стали герои-предки, то есть люди... И наконец эти легенды, совсем измельчав, превратились в народные сказания, Märchen, волшебные сказки, — короче, в истории для детей.

В этой теории истина, по-моему, вывернута наизнанку. Чем ближе к своему прототипу “природный миф” (или аллегория), тем он неинтереснее, тем меньше света может пролить на реальность... Пусть боги получили свое сияние и красоту от прекрасной природы — но ведь именно человек добыл для них это великолепие, выделив его из солнца, луны, облаков. Свою индивидуальность боги приняли прямо из его рук. И, наконец, отблеск божественности, лежащий на них, они также получили при посредничестве человека из невидимого мира, Сверхъестественного. Между высшей и низшей мифологией нет глубокого различия. Их герои оживлены (если оживлены вообще) одной и той же жизненной силой так же, как в мире смертных — король и крестьянин”.)

(6) J.R.R.Tolkien, “Goblin Feet”, в *oxford Poetry 1915*, ed. G.K.H. Cole and T.W.Earp (oxford: V.H.Blackwell, 1915), pp. 120-1. Я цитирую эту первую из опубликованных версий, которая слегка отличается от той, которая приведена в “Биографии” Хэмфри Карпентера на сс.74-5. — Т.Ш. (В версии, которую цитирует Шиппи, стихотворение звучит так:

*I am off down the road
Where the fairy lanterns glowed
And the little pretty flittermice are flying;
A slender band of grey
It runs creepily away
And the hedges and the grasses are a-sighing.
The air is full of wings
And of blundering beetle-things
That warm you with their whirring and their humming.
K! I hear the tiny horns
Kf enchanted leprechauns
And the padding feet of many gnomes a-coming.*

В версии Карпентера 9-ая строка звучит чуть-чуть иначе, а именно: “*That warm you with their whirring.*” — М.К.,В.К.)

(7) Лепреконы — в ирландском фольклоре крохотные существа из породы эльфов. Если поймать лепрекона, он расскажет, где лежит клад. Это слово появилось в английском языке не раньше начала XVII века.

(8) G.B.Smith, “Songs on the Kowms”, *Kxford Poetry 1915*, p.116. — Т.Ш.

(9) Во “Властелине Колец” заповедный эльфийский край.

(10) Во “Властелине Колец” высокородная эльфийская княгиня, владычица Лориэна (см. выше).

(11) Во “Властелине Колец” энт-великан (энты — раса древолюдей), хранитель Фангорнского Леса — последнего в Средземелье обиталища энтов.

(12) Название “Эйкман-стрит” происходит от слова “дуб” и не имеет никакого отношения к древнему названию города и дороги.

(13) Наиболее вероятное время создания этой поэмы — VIII век по Р.Х., то есть около четырех столетий с того времени, как римляне покинули Британию. К тому времени римские постройки могли разрушиться именно до такой степени, как описано в поэме:

“...Ограда кирпичная.
Пали стропила;
башни осыпаются;
украдены ворот забрала;
мороз на известке;
щели в дощатых —
в щепки изгрызены
крыши временем...” (ДрАП, с.78, пер. В.Г.Тихомирова).

(14) ДрАП, с.78

(15) В “Беовульфе” ужасное чудовище, опустошавшее по ночам дворец короля данов Хротгара. Герой поэмы — Беовульф — является к Хротгару, чтобы избавить данов от чудовища. Это составляет сюжет первой части “Беовульфа”.

(16) ЗЭ, с.38, стихи 725-728.

(17) ДрАП, с.78

(18) “*Quest*” (адекватного русского перевода для этого понятия не существует. Принято переводить как “поиск”, “миссия”) — в средневековой европейской литературе символическое путешествие в поисках чего-либо (например, Грааля) или ради высокой цели, смысла и т.д. У Толкина “архетип “*quest`a*” очень распространен. Моделью всех “*quest`ов*” в этой традиции считается миссия Христа.

Что характерно для европейского мышления, “quest”, как правило, предпринимается по личной инициативе. Так же и в искупительной миссии Христа эта традиция подчеркивает Его “вольное” принятие страданий, в то время как в русской традиции личный подвиг в аналогичных случаях, как правило, заменяется исполнением чьего-либо приказа или послушанием. Соответственно и в подвиге Христа подчеркивается Его послушность воле Отца.

Во “Властелине Колец” “quest” главного героя — Фродо — в своем роде уникален: герой идет в опасный путь не ради того, чтобы что-то добыть, но ради того, чтобы от чего-то избавиться (от Кольца Власти).

(19) Согласно некоторым предположениям, слово “butterfly” происходит от специфического вида и цвета экскрементов этого насекомого.

(20) См. “Биографию” Хэмфри Карпентера, сс.71-7, 89-95. — Т.Ш.

Согласно Карпентеру, первый толчок воображению Толкина дала древнеанглийская строка об Эаренделе — “Я не знаю, о чем это, но постараюсь выяснить”. В 1913 году он написал первое стихотворение об Эаренделе. В 1917 году, выздоравливая от окопной лихорадки и еще не зная, окажется он снова на фронте или нет, он записал первую из принадлежащих собственно “Сильмариллиону” историй — “Падение Гондолина”. Здесь эльфы уже приобрели тот облик, какой они будут иметь на протяжении всей творческой деятельности Толкина.

(21) Список опубликованных стихотворений приведен в “Биографии” Хэмфри Карпентера, сс.266—275. Но еще не появилось в печати ни одного исследования, которое бы выявило их сложные взаимные переплетения. Некоторые стихотворения явно переписывались по несколько, иногда по многу раз. — Т.Ш.

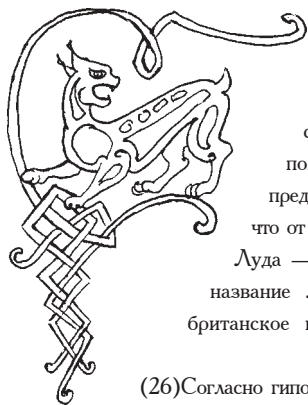
(22) J.R.R.Tolkien, “The Name ‘Nodens’”, Приложение 1 к *Report on the Excavation... in Lydney Park, Gloucestershire*, Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries, no.9 (London: kxford University press,1932), pp.132-7. — Т.Ш.

(23) “neats” — устаревшее “скот”, а все выражение означает “хорошая кожа”.

(24) Король Лир — не только персонаж шекспировской трагедии.

Некто по имени Лир упоминается еще в древнейших валлийских хрониках. Не исключено, что когда-то так именовался бог моря. История Лира такова: злая мачеха превратила его детей в лебедей, и они девятьсот лет провели в птичьем образе. Заклятье спало с них, когда до берегов Ирландии достигло христианское благовестие, и дети-лебеди приняли крещение. Готфрид Монмутский, в своей фантастической истории Британии, по-видимому, пересказывает какую-то популярную сказку, не обязательно британскую. Шекспир взял для своей трагедии именно сюжет Готфрида Монмутского, с той существенной разницей, например, что у Готфрида Корделя вовсе не умирает, а становится королевой.. Кроме Шекспира, история Готфрида Монмутского пересказывается еще в нескольких источниках, например, у Спенсера и в дошекспировской народной пьесе.

(25) Крейддилад — в до-артуровском собрании валлийских легенд “Мабиногион” — дочь божества по имени Луд. Ее полюбил бессмертный Гвин, сын нудда, то есть Нуаду Серебрянорукого. Согласно валлийским легендам, он обречен был до конца мира ежегодно сражаться за ее руку в первый день мая. Однако эти легенды — позднего происхождения, поскольку в древности боги Луд и Нуд представляли собой одно и то же лицо. Между прочим, некоторые считают, что от имени “Луд” произошло название Лондон, через “Каэр Луд — Крепость Луда — Каэр Лундейн — Лондон). Эта версия вероятно, поскольку римское название Лондона — Лондиниум — со всей очевидностью имеет именно британское происхождение.

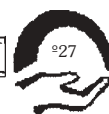
(26) Согласно гипотезе Кемпа Мэйлоуна, автора “Литературной истории Гамлета” (вышел только один том этого труда, в 1931г.), имя Гамлет происходит от имени персонажа по имени Онеда, упоминаемого в “Беовульфе” (ст. 2935). На древнескандинавском наречии это имя должно было звучать как “Али”. Этот персонаж обычно именовался “безумным” (то есть, “Ali hinn othi). Если произнести эти слова быстро и с небольшим акцентом, то по звучанию они будут напоминать имя Гамлет. Разумеется, эта гипотеза представляется очень натянутой.

(27) Король Коль — легендарная фигура, аналогичная “царю Гороху” русских сказок. Легенда повествует, что Король Коль царствовал во времена римского владычества над Британией в дни императора Диоклетиана, когда Британией правил некто Асклепидот. Король Коль победил его и сам стал королем вместо него. Рим послал к нему на переговоры сенатора Констанция по прозвищу Хлор (“бледный”), и Коль согласился платить дань Риму, но не более того. вскоре Коль умер, Константин женился на его дочери Елене, и у них родился сын Константин, которому суждено было стать Константином Великим, первым христианским императором. Таким образом, легенда делает св.Елену, мать Константина, уроженкой Британии. Однако исторических подтверждений этой истории нет. По всей видимости, Коль — такая же вымышленная фигура, как и Асклепидот, и имя его произведено от названия “Колчестер”, происходящего от реки Колн. Правда, существовал и исторический Коль, в пятом столетии, если и не король, то видный магнат. Своей популярностью обязан прежде всего детскому стишку из “Матушки Гусыни” — “Старый дедушка Коль/ Был веселый король...” и т.д.

(28) Когда эти строки были уже написаны, я обратил внимание на то, что один из “Инклингов”, преп.Адам Фокс, и вправду написал повествовательное стихотворение о старом короле Коле (*old King Coel* — так правильно), и Толкин это стихотворение знал, — см. “Письма”, с.36. — Т.Ш.

(29) Толкин составил эту книгу по просьбе своей престарелой тетушки Джейн Нив, которой хотелось иметь возможность дарить знакомым на Рождество какую-нибудь недорогую книжку с Томом Бомбадиллом в качестве главной фигуры. “Приключения Тома Бомбадила” вышли в свет за несколько месяцев до ее смерти (в 1962г.), и она успела порадоваться исполнению своего желания.

(30) ...Песенка была про корчму — потому, наверное, она и пришла Фродо на ум. Приводим ее целиком, так как в наше время из нее поют один-два куплета, не больше — остальное позабылось.

Под горой стоит корчма
У слиянья речек —
Раз свалился с чердака
Выпить доброго пивка
Лунный Человек.

Человечек окосел
Да и лег под лавку —
Но во сне он не молчал
И без удержу кричал,
Чтоб несли добавку!

Был там подгулявший кот
С пятиструнной скрипкой —
Он по ней что было сил
Вжик-вжик-вжик смычком пилил
С пьяною улыбкой.

Стали тут его будить,
Хоть и неприятно, —
Уж недолго до утра,
Значит, самая пора
На луну обратно!

Там еще гулял щенок —
Не было с ним сладу:
Он по-щеньи лопотал
И от пуза хохотал —
Просто до упаду!

Кот на скрипке заиграл,
Голося ужасно.
Тут бы и покойник встал, —
Ну, а этот спал да спал.
Видно, все напрасно!

И корова там была —
Сунься к недотроге!
Но под музыку кота,
Позабыв свои лета,
Проплясала ноги!

На гору его снесли —
Было ж “аху-оху”!
Хором крикнули: “А ну!”
Зашвырнули на луну
Луновыпивоху!

Так надраена была
В кухне вся посуда,
Что, куда ни положи
Ложки, вилки и ножи —
Блещут, просто чудо!

Кот опять схватил смычок,
Снова запиликал —
И корова, хоть строга,
Встала прямо на рога,
А щенок хихикал!

Тут такое началось!
Все перемешалось —
И корова от щенка
Получила два пинка,
И коту досталось!

“Дзынь!” — и струны порвались.
Ахнула компания!
А корова (чудеса!)
Ускакала в небеса —
Что же, до свидания!

Закатилася луна,
Брезжит свет во мраке.
Ну, дела! Пора вставать,
А они идут в кровать, —
Экие гуляки!”

(пер. С.Степанова, “Властелин Колец”, т.1, с.247)

(31)В русском переводе Г.Кружкова:

“Гей, кошка и скрипка,
Пляши, да не шибко.
Щенок на заборе заржал.
Корова подпрыгнула
Выше луны,
И чайник с тарелкой сбежал”. (Mother Goose Rhymes, Moscow, Raduga publishers, 1988, с.485).

(32) “Старый дедушка Коль” фигурирует в стихике из сборника “Матушка Гусыня”. Начало стихика в пер. С.Маршака:

“Старый дедушка Коль
Был веселый король.
Громко крикнул он свите своей:
—Эй, налейте нам кубки,
Да набейте нам трубки,
Да зовите моих скрипачей, трубачей,
да зовите моих скрипачей!”
(Mother Goose Rhymes, Moscow, Raduga publishers,
1988, с.472).

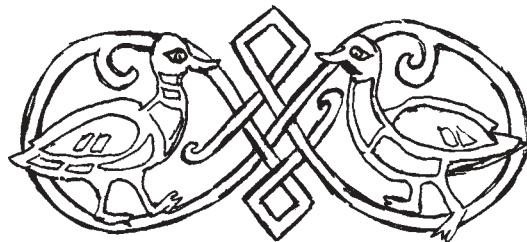
“Малютка Бо-Пип” — героиня детского стихика из того же сборника “Матушка Гусыня”. Начало стихика в пер. О.Седаковой звучит так :

“Ах, дело не шутка, ведь наша малютка
Бо-Пип потеряла овечек.
Пуская попасутся — и сами вернутся,
И хвостики с ними, конечно.”
(Mother Goose Rhymes, Moscow, Raduga publishers,
1988, с.463)

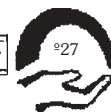
(33) Это произведение издано (в сопровождении перевода) в *Medieval English Lyrics*, ed. R.T.Kavies (London: Faber and Faber, 1963), pp.71-3. — Т.Ш.

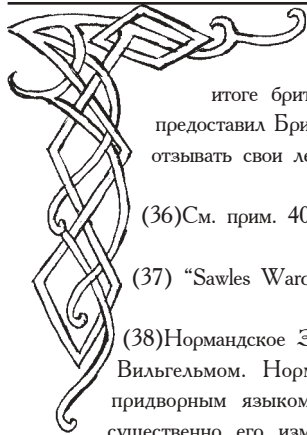
(34) Уильям Шекспир, Полное собрание сочинений в восьми томах, М., 1958 г., с.199.

(35) В 406г. по Р.Х. потрясшее всю Европу нашествие варваров (аланы, вандалы) практически

отрезало Британию от Рима. Император Западной Римской империи Гонориус не мог управлять Британией на расстоянии, и Британия попыталась получить самостоятельность. Выдвинулся некто Константин, возможно, бритт по крови. Константин со своей армией отправился в Галлию, чтобы там противостоять нашествию

варваров. Но пока он был занят в Галлии, на Британию напали саксы (410г.), и Константин оказался не в силах предотвратить этого. В итоге бритты отвергли его, и он был убит, а император Гонориус фактически предоставил Британию самостоятельность. Тогда Рим начал постепенно, один за одним, отзывать свои легионы, пока с британской земли не ушел последний римский солдат.

(36)См. прим. 40 к гл.4.

(37) “Sawles Warde” — “Хранитель души”, т.е. “Ангел-хранитель”.

(38)Нормандское Завоевание — захват власти Англии в 1066г. нормандским герцогом Вильгельмом. Нормандцы говорили по-французски, французский стал официальным придворным языком и оказал в результате фатальное влияние на английский язык, существенно его изменив.

(39)См. выше, прим. 38.

(40)Шайр — в раннесредневековой Англии административная единица, графство.

(41)Уиррэм и Уэй — реки, протекающие через Херфордшир.

(42) Цитата из разговора гнома Гимли и эльфа Леголаса, комментирующих упадок и запустение столицы Гондора Минас Тирита: “...обычная история у людей! Все-то они ждут урожая, сеют пшеницу, — и вдруг грянут весенние заморозки, или летний град побьет поля, и где он, урожай, где они, обещания? — Однако редко бывает, чтобы пропал весь посев... Иной раз переждет зерно непогоду, схоронившись в пыли и перегное — а потом возьмется и прорастет, когда уже и не ждет никто... — ...И все же в конце концов останется только руками развести. Всем их делам и замыслам одно название: могло-быть-да-нету...”

(“Властелин Колец”, т.3, с.199)

(43) У Толкина *Shire*. Этот корень — “-шир” — входит во многие английские топонимы, обозначающие крупные административные единицы. В древности этот корень существовал отдельно (то есть в толкиновском варианте), — так назывались районы, управляемые королевским наместником. В свою очередь, шайры делились на более мелкие единицы. В “Руководстве для переводчиков” Толкин предлагает переводить этот топоним по смыслу, чтобы не потерялся присущий этому топониму в английском языке смысловой оттенок привычности, домашности.

(44) J.R.R.Tolkien, “*Sigelwara Land: Part II*”, *Medium Aevum* vol.3 (1934), pp.110-11. — Т.Ш.

(45)Согласно средневековым представлениям, основанным на специфическом толковании Библии, Хам — третий сын Ноя — стал родоначальником негритянской расы.

(46)Во “Властелине Колец” злое стихийное существо, принадлежащее к “ангелам”-Майяр/ам/, перешедшим на службу Злу. В тексте описан как чудовище из темного пламени, с бичом.

(47)Св.Бэда Достопочтенный (633—735) — монах из монастыря Джарроу, один из виднейших ученых-библиографов раннего средневековья. В 703г. принял священство. Среди его учеников было много епископов, но сам он церковной карьере предпочел ученые занятия. Его сочинения включают труды по орфографии, метрике, счету, хронологии (между прочим, именно Бэда певым ввел обычай вести счет лет начиная от Рождества Христова) и агиографии. Сам он считал важнейшим своим трудом 25 томов комментариев на Св.Писание, потомки особенно выделяют “Церковную историю английского народа” (от Юлия Цезаря до 725г.). Характерно, что Бэда опирался только на достоверные источники, благодаря чему его “История” сохраняет значение и сегодня. Бэда был также известен как поэт, хотя до наших дней дошло лишь несколько его сочинений на латинском языке и несколько строк на древнеанглийском. Титул “Достопочтенный” ему присвоили почти сразу же после смерти, таким уважением он пользовался. Вскоре его стали почитать как святого (современники рассказывают о множестве чудесных исцелений, происходивших на его могиле). В 1899г. папа Лев XIII присвоил ему звание “Учителя Церкви”.

(48)В русском переводе оно звучит так:

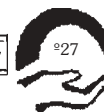
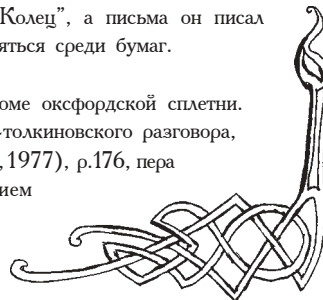
“Никто, в дорогу
собирающийся поневоле,
займешь не может
мудрость большую,
когда он думает,
уходящий отсюда,
зло сулит
или благо
суд над его душою,
что свершится по смерти”(пер. В.Тихомирова, ДрАП, с.27).

(49)см. “Биография” Хэмфри Карпентера, pp.138,194-5,239-41. — Т.Ш.

Выйдя на пенсию, Толкин вынужден был погрузиться в домашние дела. Ему пришлось забрать все свои книги из кабинета в колледже и разместить их дома. Для этого он решил использовать гараж. Перенос книг занял много месяцев. Только по завершении этой работы он получил возможность приступить к пересмотру “Сильмариллиона”. Обладая привычкой переписывать все наново, он принял решение кардинально переделать весь цикл легенд, но работу постоянно прерывали другие, неотложные дела — гранки “Ancient Wisse” (222 страницы на древнеанглийском с примечаниями!), пересмотр переводов “Гавэйна” и “Перла”, составления предисловия к новому изданию этих работ; подготовка к печати лекции “О волшебных сказках”... К тому же Толкин находил нужным отвечать на непрерывно поступавшие к нему письма читателей “Властелина Колец”, а письма он писал тяжело, со множеством черновиков, которые имели тенденцию теряться среди бумаг.

(50)Я вынужден признать, что у меня нет иных источников, кроме оксфордской сплетни.

Правда, существует пример в высшей степени характерного анти-толкиновского разговора, приведенный в *A Memorial Service* (London:Methuen paperback,1977), p.176, пера Дж.Стюарта. Здесь некий почтенный профессор с презрением отзывается о некоем “Дж.Б.Тимбермилле” — речь идет, очевидно, о Толкине — как о “выдающемся ученом”, который “съехал с рельс”. — Т.Ш.

(51) Эта лекция, в следующем году опубликованная, представляет собой, по ХК (с.143), “веху в изучении этой великой западно-англосаксонской поэмы”. Толкитн призывает рассматривать “Беовульфа” не как мешанину разнородных обрывков, почерпнутых из разных традиций (как было принято ранее), а как самостоятельное произведение, имеющее оправдание в себе самом. Прежний учитель Толкина Кеннет Сизам говорил, что эта лекция отличается “утонченностью восприятия и элегантностью изложения”.

(52)Тайн и Северн — английские реки. Северн — на западе, на границе с Уэльсом, Тайн — на востоке.

(53)Когда кельты-британцы ослабили сопротивление англосаксонской оккупации, вожди англосаксов консолидировались и усилили нажим, фактически распространив свою власть на всю Британию. Образовалось семь королевств: Кент, Сассекс, Уэссекс, Эссекс, Восточная Англия, Нортумбрия и Мерсия. Мерсия занимала центральную часть острова, Нортумбрия — северную. Поначалу это были языческие королевства, и их короли возводили свои родословные к языческим богам (например, Водену). Один из королей считался верховным. Сегодняшняя правящая династия восходит к легендарному королю Кердику из западных саксов. О Кердике ничего толком не известно. Если существовал в действительности король Артур, то Кердик, возможно, был как раз его противником. Интересно, правда, что Кердик — имя не англосаксонское, а как раз кельтское. Возможно, оон происходил из кельтов, что дало возможность объединить под его эгидой англосаксов и бриттов.

Христианизация Британских островов, согласно официальной легенде, началась с прибытием в Кентерберии папского посланца св.Августина. Но на самом деле христианская проповедь велась здесь уже давно — об этом позаботились ирландские монахи-миссионеры. Центром их деятельности была Нортумбрия. Во всяком случае, в восьмой век английские королевства вошли уже в основном христианскими, с развитыми монастырями — источниками как духовной, так и материальной культуры.

(54)“Огры” — старинное русское слово, обозначающее человекообразных уродливых чудовищ. Нам показалось уместным использовать его для перевода старинного английского слова “eotenas” — “тролли”).

(55) В переводе С.Степанова — “Сокровища” (ПТБ, с.270).

(56) Ср. ОВС, с.386-7: “Одно время господствовало мнение, что все эти сказания произошли от “природных мифов”. Олимпийцы, согласно этой теории, персонифицируют солнце, рассвет, ночь и т.д., а истории, которые про них рассказывали, первоначально были мифами (здесь больше подходит слово “аллегория” о взаимодействии стихий в процессах, происходящих в природе. Затем в эпосе, героической легенде, сие эти истории были локализованы в реально существующих местах и очеловечены: действовать в них стали герои-предки, то есть люди, но более могучие, чем современные... В этой теории истина, по моему, вывернута наизнанку. Чем ближе к своему предполагаемому прототипу “природный миф” (или аллегория), тем он неинтереснее, тем меньше света может пролить на реальность. давайте на минуту предположим вслед за теорией, что, собственно, в мире нет прямого соответствия мифологическим “богам” — нет таких индивидов, а есть только астрономические объекты и метеорологические явления. В таком случае придать этим природным объектам индивидуальность и великолепие может только человек, пользуясь своим индивидуальным же даром. Индивидуальность порождается только индивидом. пусть боги получили свое сияние и красоту от прекрасной природы — но ведь именно человек добыл для них это великолепие, выделив его из солнца, луны, облаков. Свою индивидуальность боги приняли прямо из его рук. И, наконец, отблеск божественности, лежащий на них, они также получили при посредничестве человека из невидимого мира Сверхъестественного... Возьмем пример. Казалось бы, типичная олимпийская “природно-мифологическая” фигура — ... бог Тор. ... И все же у тора есть... весьма определенный характер, индивидуальность, которыми ни гром, ни молния не обладают”.

(57) “Малое Творение”, *Secondary Creation, Sub-Creation*. Толкин использовал этот термин (варианты перевода: Вторичное Творение, Подчиненное Творение) для обозначения всякого рода творчества, которое создает “свой собственный” мир, обладающий внутренней непротиворечивостью. Этот мир не является аллегорией нашего, “первичного” мира, который сотворен Богом, но обладает определенной самостоятельностью. “Малое Творение” — это плод усилий человеческого воображения создать некое единство, которое жило бы именно по законам этого творческого воображения. Будучи созданным по образу и подобию Божию, человек, по Толкину, наделен божественной способностью творить миры, пусть и не обладающие реальностью Первого, Главного Творения, но способные обогатить и расширить его, если на то будет дано согласие Верховного Творца. В эссе “О волшебных сказках” Толкин говорит о Вторичном Творении так: “...сказочник успешно “творит вторичный мир”. Он создает такой вторичный мир, в который может войти ваше сознание. В пределах этого мира рассказанное — правда, поскольку согласуется с его законами. Поэтому пока вы внутри, вы верите. Но если волшебство (или, скорее, мастерство) не достигнет своей цели, моментально родится недоверие и чары рассеются. Вы вновь в первичном мире и уже снаружи смотрите на маленький жалкий вторичный” (ПТБ, сс.400-401). См. также у К.Дюрье: “Как разум желает найти универсальное уравнение, которое обнимало бы все явления во вселенной, так и воображение силится отыскать единство смысла, которое было бы согласно с его собственной природой”. В рассказе “Лист кисти Нигтля” Малое творение — картина художника Нигтля — удостаивается милости от Верховного Творца и обретает подлинную реальность. Можно догадываться, что в этом выражены сокровеннейшие чаяния Толкина: он верил, что творец может принять Малое Творение в Большое и дать ему подлинную жизнь, если это будет Ему угодно.

(58) Сэмюэл Тейлор Кольридж (1771-1834) — английский поэт и литературный критик. Родился в семье священника, образование получил в Кембридже. В юности увлекся французской революцией, но позже остыл к ней. Принадлежавший к так называемой “озерной школе” — содружеству поэтов-романтиков, куда входили также поэты Вордсворт и Саути. Автор многих лирических стихов, драм, воспоминаний. Наиболее известна поэма “Сказание о старом мореходе”, где в символически-фантастической форме повествуется о злосчастях грешной души. Тяготел к средневековой мистике.

(59) “Видение Гюльви” — название основной части “Младшей Эдды”. Ее содержание — языческие мифы и всевозможные сведения о языческих богах. Некоторые мифы известны только из этого источника. Точное происхождение и принадлежность этих мифов неизвестны — они принадлежат и германской, и исландской, и древнескандинавской традициям. Изложение облечено в форму беседы шведского конунга Гюльви с тремя асами. Весь сюжет построен на наваждении, мороке. Автор “Младшей Эдды”, Снорри Стурлусон (см. прим. 67 к гл. 6) был христианином и рекомендует не верить в языческих богов, однако рассказывает о них со вкусом и сочувствием. В “Видении Гюльви” немало мотивов, использованных Толкином.

(60) *Saga of King Heidrek the Wise*, ed. and trans. C.Tolkien (London: Nelson's, 1960), pp. xxiii и 45. — Т.Ш.

перевод с английского Н.Семенов и Э.Метлицкой

*Печатается по специальному разрешению переводчиков.
Сокращенный вариант статьи был впервые опубликован в журнале «Знание - сила».*

Один из персонажей Толкина, падший хоббит Голлум, — фигура, интересная сама по себе, а изменения, затронувшие его образ, — те изменения, которые Толкин внес в последующие издания “Хоббита” (с 1950-х гг.) по сравнению с первыми (1930-е гг.)¹, — делают Голлума одним из любопытнейших героев. Необходимость этих изменений стала очевидна в процессе работы над “Властелином Колец”², по мере осознания Толкином всех драматических возможностей, какие давало превращение “обыкновенного” кольца в злое, обладающий собственной волей источник зла. Как я писал в другой своей работе³, Толкин, используя в качестве модели образы Гренделя, его матери и Унферта, изменил роль и характер Голлума так, чтобы они отвечали его общей теории глобального противостояния добра и зла.

“Хоббит” исследует природу зла и его взаимоотношения с человеческой природой — на этот аспект книги зачастую просто не обращают внимания, поскольку из-за языка, которым написан “Хоббит”, все произведение в целом обычно воспринимается как детское чтение в жанре фэнтези⁴. Во “Властелине Колец”, где рассматриваются те же проблемы, но под другим углом зрения, Толкин старательно избегает подобного тона. В “Хоббите” (как и в “Беовульфе”) постижение зла происходит через последовательность все более и более серьезных стычек с чудовищами, тогда как во “Властелине Колец” зло метафорично — сфера его действия увеличивается (око Саурона), и при этом оно становится гораздо менее понятным (призраки Кольца). Как следствие, и роль Голлума в этих произведениях различна. В “Хоббите” он выступает одним из звеньев в цепи все более и более страшных чудищ; во “Властелине Колец” он — пример проклятой личности, предавшей злу (которое символизируется Кольцом) и потому погубившей свою душу, но, по милости божьей, спасающей других. Критики не уделяют должного внимания вопросу о том, как во “Властелине Колец” через Голлума проявляет себя Провидение, хотя мне кажется, что, не разобравшись в этом, нельзя судить с определенностью ни о самом произведении, ни об авторском замысле Толкина. Ниже я собираюсь рассмотреть изменения характера и роли Голлума, а также представлений о природе Кольца от первых к последующим изданиям

“Хоббита”. (Возможно, это побудит других исследователей более серьезно осветить роль Голлума во “Властелине Колец”).

Важнейшая глава для анализа — пятая глава “Хоббита”, “Загадки в темноте”. Согласно версии первых изданий, Голлум — заблудшая душа. Он может убить, но не способен нарушить клятву. Голлум сам предлагает Бильбо кольцо, как приз за победу в состязании (игре в загадки), но, когда оказывается, что кольцо потерялось, и отдать его Бильбо нет никакой возможности, он любезно показывает

Бильбо выход из горы. Во второй версии “Хоббита”, которая в Англии вышла в свет до публикации “Властелина Колец”, а в Америке — уже после, Голлум предстает как насквозь порочное, иссушенное временем создание, поработенное злым кольцом и способное на любое преступление. В мягком издании “Баллантина” 1965 года нет дополнительных изменений, но в издании 1966 года внесено несколько незначительных поправок, усиливающих порочность Голлума и подгоняющих места стыкровок двух версий.

Основные различия между первым и вторым изданиями в твердом переплете обнаруживаются во второй половине рассматриваемой главы. Если первая половина осталась неизменной, вторая удвоилась в объеме. Добавления и поправки, делающие всю главу в целом более сложной, которые начинаются с замены ставки в игре в загадки, затрагивают характер Голлума и превращают кольцо в нечто злое и обладающее собственной волей, а, кроме того, представляют Бильбо как вора. Завершает главу описание ужасной погони по туннелям горы.

Первые поправки касаются условий состязания: в первоначальном варианте Голлум предлагает Бильбо не помощь в поисках выхода из горы, а подарок — кольцо. Изменены были всего несколько слов, но благодаря им направленность всей главы стала иной. Во втором варианте Голлум предлагает игру в загадки на следующих условиях: если Бильбо не угадает, Голлум его съест, а если Голлум сам не угадает, он предоставит (если сможет) какой-нибудь выкуп. [Примечание: в цитатах, помещенных ниже, первоначальная версия помечена номером 1, а более поздняя редакция номером 2 (кроме специально оговоренных случаев).]

[1] Если он спросит нас, а мы не ответим, мы дадим ему подарок, голлум!

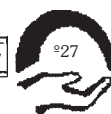
[2] Если он спросит нас, а мы не ответим, мы сделаем, что он захочет, а? Мы покажем ему выход, да!

В первоначальной версии этой беседы Голлум называет и себя, и Бильбо “моя прелесть”, в то время как в исправленном варианте подобное выражение нежности обращено к кольцу, которое во “Властелине Колец” становится для Голлума Величайшим Сокровищем, сущей драгоценностью для его души.

Одно небольшое изменение пришлось сделать и в другом абзаце, там, где в первоначальной версии содержалось указание на то, что ставкой в игре был подарок. Вместо слов “Бильбо стало любопытно, что это будет за подарок от Голлума” во втором варианте читаем “Бильбо уже понадеялся, что злодей не сможет отгадать”. Единственное оставшееся упоминание “подарка” было просто заменено “отгадкой”:

[1] — Ну, — сказал Бильбо, прождав достаточно долго, — как там насчет подарка?

[2] — Ну, — сказал Бильбо, прождав достаточно долго, — как там насчет отгадки?

Окончание игры в загадки, где Бильбо приходится туго, а Голлум, как кажется, уже вот-вот выигрывает, осталось без изменений.

Ряд мелких, но важных исправлений приводит первоначальное описание Голлума в соответствие с его образом во “Властелине Колец”. Эти искусно добавленные детали выделены в цитате курсивом:

[2] Здесь, глубоко под землей на берегу темных вод жил старый Голлум, *мелкая скользкая тварь*. Не знаю, откуда он там взялся, как не знаю, кем или чем он был, — Голлум, и все. Он был черный, как сама темнота, с большими круглыми бледными глазами *на худом лице*. У него была крохотная лодчонка...

Затем начинаются глобальные исправления.

Размышляя вслух, Бильбо спрашивает себя: “Что у меня в кармане?” Голлум принимает этот вопрос за загадку, и вконец отчаявшийся Бильбо не поправляет его, предоставляя своему сопернику три попытки. Перед Голлумом встает невыполнимая задача (распространенный северный сюжет⁵), и Бильбо в ужасе хватается за свой маленький меч. Во второй версии характер Голлума существенно меняется.

[1] Но, к счастью, он [Бильбо] мог особенно не волноваться. Голлум давным-давно и совершенно твердо знал, что никогда, никогда нельзя плутовать в игре в загадки, ибо игра эта священная и невероятно древняя.

[...]

К тому же, у Бильбо был меч. Он просто-напросто уселся и принялся ждать

[2] Он знал, конечно, что игра в загадки — невероятно древняя и священная, и даже зловерные создания боятся плутовать в этой игре. Однако он чувствовал: никак нельзя полагаться на то, что это скользкое создание выполнит со временем хоть одно свое обещание. Оно вывернется под любым предлогом. К тому же последний вопрос, согласно старинным правилам, не был настоящей загадкой.

[...]

Но Голлум, во всяком случае пока, не нападал на Бильбо. Он мог видеть меч в его руке. И он смиренно сидел, дрожа и что-то шепча. Наконец Бильбо не выдержал.

В первоначальной версии Голлум — создание если и опустившееся, изгнанное родичами, но все же не полностью падшее. Согласно древнему северному моральному кодексу, два самых гнусных злодеяния — это убийство и клятвопреступление. Голлум, возможно, виновен в первом, но не во втором. Однако в исправленном варианте Голлуму нельзя доверять вовсе, и упоминание о том, что вопрос не был “настоящей” загадкой, в подтексте содержит намек на то, что Голлум способен не сдерживать слово. Это подозрение подкрепляется еще и тем тем, что Бильбо всерьез уповает на свой меч. Если в ранней версии о мече говорится походя, скорее, чтобы успокоить читателя, то в поздней он становится грозной силой: именно благодаря мечу “Голлум... пока не нападал на Бильбо”.

Дальнейшие превращения Голлума, которые мы можем проследить по тексту, существенны для понимания роли этого персонажа во “Властелине Колец”.

[1] — Как насчет подарка? — спросил Бильбо. Он не то чтобы рассчитывал получить приз, но чувствовал, что выиграл достаточно честно, и притом в очень трудных условиях.

— Мы должны дать ему какую-то вещицу, моя прелесть? Да, должны! Мы должны принести, моя

прелесть, отдать ему подарок, который обещали.

[...]

Голлум пошлепал обратно к своей лодочке, и Бильбо подумал, что больше уже его не увидит. Но это было не так.

[2] — Ну, — сказал он, — как насчет обещанного? Мне нужно идти. Ты должен показать мне дорогу.

— Мы так говорили, моя прелесть? Показать мерзкому жалкому Бэггинсу выход, да, да. Но что же у него в кармане, а? Не веревка, моя прелесть, но и не пусто. Не пусто! Голлум!

— Не твое дело, — проговорил Бильбо. — Обещание есть обещание.

— Сердитый какой, нетерпеливый он, моя прелесть, — шипел Голлум. — Но пусть-ка подождет, да уж, пускай. Мы не можем в такой спешке лезть в туннели. Нам надо сходить кое за чем, да, оно нам поможет.

[...]

— Давай, поторапливайся, — сказал Бильбо, с облегчением думая, что это отговорка, что тот и не подумает вернуться. И о чем это говорил Голлум? Что за полезная вещь может храниться у него на этом черном озере? Но Бильбо ошибался. Голлум собирался вернуться. Сейчас он был зол и голоден. У этого ничтожного злобного создания созрел свой план.

В первоначальной редакции Голлум отправляется за кольцом, чтобы вручить его Бильбо. Нет никакого намека на вероломство. В измененном варианте Голлум — неприятный противник, он сквернословит и готов обмануть. Вдобавок, автор хочет вызвать у читателя интерес к имуществу Голлума, припрятанному на островке, — кольцо, — заставляя Бильбо гадать, что это у Голлума за “вещь”.

Следующий (в исправленной версии) абзац вводит в сюжет кольцо: Голлум завладел им, как мы знаем из “Властелина Колец”, в свой день рождения, задушив приятеля, который это кольцо нашел.

[2] Неподалеку находился островок, о котором Бильбо ничего не знал. Там, в укромном месте, Голлум хранил всякий медкий хлам и одну очень красивую, красивую и очень волшебную вещицу. Кольцо. Прелестное золотое колечко.

— Подарочек мой на день рождения, — прошептал себе Голлум, как шептал частенько все долгие, долгие бессолнечные дни. — Вот что нам сейчас нужно, да. Оно нам нужно!

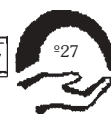
В новом варианте кольцо, которое было первоначально лишь обыкновенным магическим предметом, предстает как кольцо власти. Поэтому в исправленной версии тот отрывок, где описываются свойства кольца, был переставлен, что позволяет читателю узнать о них раньше, чем Бильбо. Этот переставленный отрывок выделен курсивом.

[1] *Ибо стоило вам надеть это кольцо на палец, как вы становились невидимы. Только при солнечном свете вас могли заметить, да и то по одной лишь вашей тени, причем тень была бледная и едва различимая.*

[2] Оно было нужно ему потому, что это было кольцо власти, и стоило вам надеть кольцо на палец, как вы становились невидимы. Только при ярком солнечном свете вас могли заметить, да и то по одной лишь вашей тени, тени слабой и едва различимой.

В первоначальной версии, как и во второй, о кольце говорится как о подарке на день рождения, но без позднейшего зловещего подтекста. В исправленном варианте появляется еще и Хозяин, сила, противостоящая добру, — Саурон из “Властелина Колец”.

[1] Бильбо повернулся и стал ждать, размышляя, из-за чего это Голлум мог поднять такой шум.

Однако все обернулось к лучшему. Возвратившись, Голлум бурчал, брюзжали и бормотали не переставая, и Бильбо, наконец, уразумел, что у Голлума было кольцо — волшебное, прекрасное кольцо, которое он получил в подарок на день рождения. Случилось это давным-давно, в незапамятные времена, когда подобные кольца не были такой редкостью.

Иногда он носил кольцо в кармане, но обычно держал его в небольшой каменной ложбинке у себя на острове. Изредка он надевал его — когда бывал очень уж голоден, а рыба надоедала, — и, крадясь по темным туннелям, выскивал зазевавшихся гоблинов. Он даже осмеливался заходить туда, где горели факелы, которые слепили и резали ему глаза. Но он был в безопасности! О да, в полной безопасности. Ибо стоило вам надеть это кольцо на палец...

[2] — Мой подарочек на день рождения! Он попал ко мне в день рождения, моя прелесть. — Так он всегда говорил себе. Но кто знает, как попал к Голлуму этот подарок в те стародавние дни, века тому назад, когда подобных колец на свете было немало. Возможно, даже Хозяин, повелевающий ими, не смог бы этого сказать. Поначалу Голлум носил кольцо, не снимая, но потом устал от него, и стал хранить кольцо в мешочке. Мешочек он носил на себе, пока тот не начал натирать кожу. Теперь Голлум обычно прятал кольцо в каменной ложбинке на своем островке, и частенько наведывался туда — просто посмотреть. Время от времени он надевал кольцо — когда разлука с ним становилась невыносима, или когда бывал очень уж голоден, а рыба приедалась. Тогда он крадся по темным туннелям, выскивая зазевавшихся гоблинов. Он даже осмеливался заходить туда, где горели факелы, которые слепили и резали ему глаза. Зато он был в безопасности. О, да! В полной безопасности. Никто не мог его увидеть...

Исправленная версия дополнена сведениями о последней трапезе Голлума (это был маленький гоблиночек) и его размышлениями о том, как, вернувшись невидимым, съесть Бильбо. Далее текст в целом следует первоначальной версии, но смысл и стиль, а также расположение некоторых отрывков изменены.

[1] Хоббит совсем уже было собрался отправиться обратно вверх по проходу, — ему порядком надоело и этот Голлум, и эта черная вода, — как вдруг услышал стелания и визг где-то во мраке. Голлум метался на своем островке (о котором Бильбо, естественно, ничего не знал), роясь, копаясь тут и там, в тщетных поисках выворачивая карманы.

— Где оно? Где оно? — доносились до Бильбо его вопли. — Потерялось, потерялось, моя прелесть! Потерялось, потерялось! Спаси-побрызгай! Мы не можем его подарить! У нас его просто нет!

[2] Бильбо подумал, что больше уже его не увидит. Но он немного подождал, поскольку совершенно не представлял себе, как сможет сам найти обратную дорогу.

Вдруг раздался вой, от которого Бильбо проняла дрожь. Голлум ругался и стонал где-то во мраке, судя по звуку, неподалеку. Он был на своем островке, роясь, копаясь тут и там в тщетных поисках. — Где оно? Где оно? — доносились до Бильбо его рыдания. — Оно потерялось, моя прелесть! Потерялось, потерялось! Чтоб нам пропасть, чтоб нам упасть, моя прелесть потерялась!

В исправленной версии положение Бильбо куда более отчаянное. Он понимает, что не выберется сам отсюда и опасается Голлума. Голлум ругается и стонет (“чтоб нам пропасть” вместо “спаси-побрызгай!”), потеряв кольцо, которое помогло бы ему убить Бильбо. В этом кардинальное отличие “нового” Голлума от прежнего, приносящего свою клятву и сокрушающегося оттого, что не может расплатиться за проигрыш. То, что в позднем издании Голлум выражается совершенно по-другому, указывает на изменение как его характера, так и его реакции на потерю кольца.

В первоначальной версии Голлум всячески извиняется за то, что не может сдержать слово, и даже хочет заменить обещанный приз чем-нибудь другим. Бильбо заключает, что кольцо, лежащее у него в кармане, должно быть, принадлежит Голлуму, но, оправдываясь старой поговоркой, решает оставить его себе, и просит Голлума показать путь к выходу из горы. Во второй версии Голлум не открывает, что же именно он потерял, и Бильбо проявляет вполне понятную грубость и черствость по отношению к персонажу, описанному как существо злое и опасное.

[1] Не знаю, сколько раз Голлум извинялся перед Бильбо. Он все твердил:

— Простите нас. Мы не хотели обмануть, мы хотели отдать ему наш единственный подарок, если он выиграет состязание. — Он даже предложил наловить для Бильбо чудесной сочной рыбки, чтобы тот поел в утешение. При одной мысли об этом Бильбо содрогнулся.

— Спасибо, не надо! — произнес он как можно вежливее.

Он подумал как следует, и ему пришла в голову мысль, что Голлум, наверное, когда-то выронил это самое кольцо, которое он, Бильбо, нашел, и которое теперь лежит у него в кармане. Но у него хватило ума не говорить об этом Голлуму.

— “Что упало, то пропало”, — решил он про себя, и, смею сказать, в подобных обстоятельствах это было правильно. В любом случае, кольцо теперь принадлежало ему.

— Не важно! — сказал он. — Кольцо стало бы моим, если б ты нашел его, так что ты все равно остался бы без него. Я прошу тебя с одним условием.

— Ну, что же это? Что он от нас хочет, моя прелесть?

— Помоги мне выбраться отсюда, — сказал Бильбо.

[2] — Что случилось? — крикнул Бильбо. — Что ты потерял?

— Пусть не спрашивает нас! — взвизгнул Голлум. — Не его, не его дело, голлум! Потерялось, голлум, голлум, голлум.

— Я тоже потерялся, — закричал Бильбо. — И хочу найтись. Я ведь выиграл, а ты обещал. Ну, идем же! Давай, выведи меня отсюда, а искать будешь после!

Несмотря на все его душераздирающие вопли, Бильбо не было жалко Голлума. К тому же он подозревал, что если Голлуму что-то очень нужно, это вряд ли что-то хорошее.

— Ну, идем! — крикнул он.

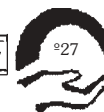
В исправленном варианте добавлен диалог почти на страницу, во время которого Бильбо пытается выяснить, что же потерял Голлум, а Голлум укрепляется в своих подозрениях относительно того, что у Бильбо в кармане. Затем обе версии раскрывают намерения Голлума и рассказывают о том, как Бильбо выбрался из горы. Сюжетные линии, как и следовало ожидать, параллельны, но непохожи. В первой версии Голлум, даже столкнувшись с препятствиями, все же следует северному моральному кодексу и держит клятву. В измененном варианте он пытается напасть на Бильбо, ибо предан кольцу настолько, что прочее для него не важно.

[1] И Голлуму, если он не хотел обманывать, надо было соглашаться. Он, правда, все так же страстно желал выяснить, каков чужестранец на вкус, но теперь ему пришлось выбросить это из головы. Да и о мече он не забывал. К тому же чужестранец был насторожен и бдителен — не на таких привык нападать Голлум. Наверное, поэтому все сложилось к лучшему.

Так Бильбо выяснил, что у воды туннель кончается, и по ту сторону тянется сплошная темная скала. Еще он узнал, что ему следовало свернуть направо, в один из боковых туннелей, не доходя тупика. Однако он не мог уразуметь из слов Голлума, как найти этот туннель, и поэтому заставил негодное создание пойти и показать ему дорогу.

[2] Но теперь глаза Голлума загорелись зеленым огнем, и стали быстро приближаться. Голлум опять оказался

в лодке и неистово греб обратно к темному берегу. Пропажа и подозрения привели его в такое бешенство, что никакой меч был ему сейчас не страшен.

Бильбо и представить себе не мог, что же так взбесило негодное создание, но понял, что все пропало: теперь Голлум уж точно задумал убить его. В тот же миг Бильбо развернулся и бросился бежать, не разбирая дороги, вверх по темному туннелю, который привел его сюда. Он жался к стене, ведя по ней левой рукой.

В первоначальной версии Бильбо словно бы в шутку надевает кольцо, чтобы проверить, верно ли то, о чем бормотал Голлум. Во второй — кольцо само осуществляет свою волю, Бильбо же не знает о его магических свойствах.

[1] Пока они вместе поднимались по туннелю (Голлум — чпокая и шлепая, а сам Бильбо очень тихо), он решил испытать кольцо и надел его на палец.

— Где он? Куда он подевался? — тут же спросил Голлум, шаря вокруг большими глазами.

— Я здесь, сзади, — сказал Бильбо. Довольный, он снял кольцо, радуясь тому, что оно теперь у него и что оно и вправду такое, как говорил Голлум.

[2] — Что у него в карманах? — услышал он сзади громкое шипение и всплеск: это Голлум выскочил из лодки.

— “В самом деле, что там?” — подумал он, пыхтя и спотыкаясь на бегу, и сунул левую руку в карман. Кольцо, легко скользнувшее на его вытянутый указательный палец показалось ему очень холодным.

Шипение раздавалось прямо за спиной. Обернувшись, он увидел, как два глаза, словно маленькие зеленые огоньки, поднимаются к нему по наклонному туннелю. В ужасе он попытался бежать быстрее, как вдруг споткнулся обо что-то и полетел плашмя на пол, а меч оказался под ним.

В новой версии добавлены две страницы стенаний и проклятий Голлума, прозевавшего Бильбо. В итоге Бильбо понимает, что кольцо волшебное: “Конечно, из старых-старых сказок Бильбо знал о подобных вещах. Однако поверить в то, что он случайно нашел одну из них, было нелегко”. К концу “Властелина Колец” мы понимаем, что открытие Бильбо было невольным, хотя и не случайным. После этой вставки в повествование вводятся отрывки из первоначальной версии (с небольшой перестановкой), после чего следует сцена, где Бильбо добирается до выхода из туннеля.

[1] Итак, они продолжали путь, а Голлум считал туннели справа и слева.

— Один слева, один справа, два справа, три справа, два слева, и так далее. По мере того, как они все дальше и дальше уходили от воды, Голлум дрожал и трусил все сильнее.

Но наконец он остановился у низкого отверстия слева (досчитав до “шести справа, четырех слева”).

— Вот проход, — прошептал он. — Он должен втиснуться и скользить вниз. Мы не смеем идти с ним, моя прелесть, не смеем, нет, голлум!

Бильбо проскользнул под сводом и был страшно рад сказать свое “прощай” этому мерзкому жалкому созданию. Он не успокоился до тех пор, пока не убедился, что Голлум ушел. Высунув голову в главный туннель, он слушал, как Голлум шлепает к своей лодке, и его шаги затихают во мраке. Только тогда он отправился по новой дороге.

[2] Они продолжали идти — Голлум шлепал впереди, шипя и ругаясь, Бильбо шел сзади, тихо, как истинный хоббит. Скоро они дошли до такого места, где, как еще раньше заметил Бильбо, по сторонам туннеля то туда то сюда открывались проходы.

Голлум тут же принялся считать их.

— Один слева, так. Один справа, так. Два справа, так, так. Два слева, так, так. — И далее, и далее в том же духе.

Чем больше становались цифры, тем медленнее шел Голлум и тем больше он дрожал и хныкал. Он все сильнее трусил, уходя дальше и дальше от воды. Тут могли оказаться гоблины, а кольцо он потерял. Наконец, он остановился у низкого отверстия, которое открывалось слева от них.

— Семь справа, так. Шесть слева, так! — прошептал он. — Вот он. Вот путь к задней двери, да. Выход здесь!

Он заглянул туда и съежился.

— Но мы не смеем идти туда, моя прелесть. Нет, не смеем. Там внизу гоблины. Полно гоблинов. Мы чуем их. С-с-с! Что же нам делать? Чтоб им пропасть, чтоб им упасть! Мы подождем тут, моя прелесть, подождем и посмотрим.

На этом все застопорилось. Хоть Голлум в конце-концов и привел Бильбо к выходу, пройти Бильбо не мог. Голлум, скорчившись, сидел прямо на дороге, подтянув колени к подбородку и вертя во все стороны головой. Его глаза холодно блестели.

Если в первоначальной версии Бильбо просто протискивается в проход, то в исправленной Толкин вводит в повествование активное злое начало — собственную волю кольца. Полторы страницы добавлений увеличивают напряженность сцены, так как Бильбо теперь должен открыто противостоять злу и его последствиям. Бильбо быстро превращается из добродушного ворчуна первой версии “Хоббита” в личность героическую и не чуждую жалости. Зло стало причиной падения Голлума, этой трагической фигуры в “череду нескончаемых однообразных дней”, где нет “ни света, ни надежды на лучшее”, а Бильбо, оказавшийся свидетелем этой драмы, проходит очищение состраданием и ужасом.

[2] Бильбо и сам почти перестал дышать и замер. Он был в отчаянии. Ему нужно бежать, бежать прочь из этой жуткой тьмы, пока еще есть силы. Придется драться. Он должен вонзить меч в гадкую тварь, уничтожить ее, погасить эти глаза. Это значит — убить его. Нет, так нечестно. Он, Бильбо, невидим. Голлум безоружен, и, по-правде, ничем не угрожал ему и не пытался его убить, во всяком случае, пока. Он жалок, одинок, заброшен. Бильбо вдруг представил себе такую жизнь, и жалость, смешанная с ужасом, захлестнула его душу: череда нескончаемых однообразных дней, ни света, ни надежды на лучшее, а только лишь жесткий камень, холодная рыба, все шепотом, тайком... Все это в одну секунду пронеслось в голове хоббита, и он содрогнулся. И тут, охваченный вдруг новым порывом, словно обретя решимость и силу, Бильбо прыгнул.

Разрешение участи Голлума с точки зрения этики Аристотеля столь очевидно, что возникает искушение не заметить его в “детской” сказке, хотя оно несомненно.

Следующий отрывок исправленного издания столь насыщен привычной лексикой христианских теологов, что возникает соблазн предположить, что Толкин использовал расхожие обороты речи непреднамеренно. Но это, однако, не умаляет важности данного отрывка. Остановив свою руку, Бильбо удержался от зла. Но ему еще нужно спастись: отринув зло, прыгнуть во тьму в надежде на спасение.

[2] По человеческим меркам прыжок не ахти какой, но это был прыжок во тьму. Бильбо пролетел над самой головой Голлума: семь футов в длину, три в высоту. Эх, знал бы он, что едва не раскроил себе череп о низкий свод прохода.

Вера — вот прыжок во тьму, который совершает человек. У Толкина Бильбо, хоббит, совершает его. Умиротворяющая развязка тоже в христианском духе: человек слаб и ничтожен, но через веру и с божьей помощью преодолевает непреодолимые препятствия.

Последующие добавления, занимающие полстраницы, касаются бегства Бильбо от Голлума, который некоторое время преследует его, визжа от отчаяния и ярости. Эта сцена не особенно важна для “Хоббита”, но она задает противостояние, раскрывающееся во “Властелине Колец”: извечная вражда между злым существом, одержимым маниакальным желанием завладеть кольцом власти, и противостоящим ему милосердным персонажем, который, тем не менее, добыл кольцо воровством.

Внеся столь серьезные изменения в центральную часть главы, Толкин перешел к менее значительной

правке оставшейся ее части. Это небольшие дополнения (скорее одно-два предложения, чем абзацы), и отдельные перестановки. Привносится также и ряд новых деталей, противоречащих первоначальной версии.

В следующем отрывке Бильбо из первого варианта не представляет себе грозной силы гоблинов и потому беспечен, хотя, зная характер Голлума, принимает некоторые меры предосторожности. Такое смещение акцентов повышает напряженность их противостояния. В исправленном варианте в этом месте Толкин использует слово “орки”, которое прежде встречалось лишь в имени меча “Оркрист”. Литературные приемы, применяемые в этом отрывке исправленного варианта во многом превосхищают стиль “Властелина Колец”: во-первых, тем, как выводится место действия (туннель) после длительного отступления; во-вторых, тем, что не полагаясь целиком на описание, автор прибегает к рассуждению, несущему многозначительный и эмоциональный подтекст.

[1] Он был низкий, узкий, и грубо сработан. Для хоббита он бы вполне сгодился, если бы только не противные кодобины на полу, о которые в темноте сбиваешь пальцы. Но для гоблинов проход был низковат. Не зная о том, что гоблины легко и достаточно быстро ходят по таким туннелям, свесив руки почти до пола, Бильбо не боялся встретить их, и беспечно спешил вперед.

[2] Туннель был низкий и грубо сработан. Идти по нему хоббиту было бы не трудно, если бы, несмотря на все старания, он не сбивал снова и снова свои бедные пальцы. “Низковато для гоблинов. По крайней мере, для крупных”, — подумал он, не зная, что даже самые крупные горные орки бегают по таким туннелям очень быстро, свесив руки почти до земли.

Ряд точных выразительных деталей, внесенных в описание последней части, делает повествование более напряженным. Место действия развернуто более подробно: туннель сначала ведет вниз, потом вверх, потом еще круче вверх; сначала один поворот, затем другой, наконец, последний поворот. “Мерцание” света заменено на “проблеск” — нечто более яркое, но и более краткое, — в результате чего и внезапный рывок Бильбо становится более понятным. О Бильбо больше не говорится, в духе детской сказки, что он “семяил” на “маленьких ножках”. Дверь, первоначально “приоткрытая” превратилась в “открытую”.

[1] Туннель вскоре опять начал подниматься, а через какое-то время — круто подниматься. Здесь хоббит пошел медленнее. Наконец, спустя какое-то время, подъем прекратился, туннель повернул, затем снова нырнул вниз, и Бильбо различил в конце этого спуска за углом слабое мерцание. Не красное, как от огня или факела, а бледное мерцание дневного света. Он побежал. Семя из всех сил своими маленькими ножками, он завернул за угол, и выскочил прямо на площадку, залитую светом, который показался ему ослепительным после долгого пребывания в темноте. На самом деле это был только солнечный луч, падавший из чуть приоткрытой двери — большой каменной двери.

[2] Туннель, сначала уходящий вниз, вскоре опять начал подниматься, а через какое-то время — круто подниматься. Здесь хоббит пошел медленнее. Наконец, подъем прекратился, туннель повернул, затем снова нырнул вниз, и Бильбо различил в конце этого спуска за углом слабый проблеск. Не красный, как от огня или факела, а бледный проблеск дневного света. Бильбо побежал. Торопясь из всех сил, он последний раз завернул за угол, и выскочил прямо на площадку, залитую светом, который показался ему ослепительным после долгого пребывания в темноте. На самом деле это был только солнечный луч, падавший из открытой двери — большой каменной двери.

В исправленном варианте открытая дверь, предвещающая бегство, являет собой продуманный и выразительный контраст

другим деталям этой сцены: “взбудораженным” гоблинам и самовольному зловредному кольцу.

Поведение гоблинов во втором варианте — очевидное проявление злой воли кольца. В первоначальном варианте Бильбо не особенно задумывается о кольце. После того, как Голлум любезно направил его к выходу, Бильбо проходит по туннелю и, сталкиваясь с гоблинами-стражами, случайно или нарочно надевает кольцо на палец. Сам рассказчик считает первое более вероятным и подкрепляет свое мнение некими доводами. В исправленной версии Бильбо с кольцом на пальце невидимым проходит по туннелю, но, столкнувшись с гоблинами-стражами внезапно обнаруживает, что его видят и что кольца на пальце нет. Рассказчик не дает этому ясного объяснения: может, то была случайность, а может, и нет. Может, это “кольцо выкинуло последнюю шутку” перед тем, как признать нового хозяина. Рассказчик, таким образом, намекает на то, что кольцо не совсем обычное и указывает на его зловредность: качество, в чем-то даже противоречащее первоначальному замыслу “Хоббита”, но необходимое для развития сюжета “Властелина Колец”.

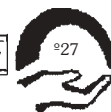
[1] Бильбо ослеп, а потом вдруг увидел гоблинов. До зубов вооруженные гоблины, с обнаженными мечами, сидели прямо под дверью и во все глаза следили за ней и за туннелем, который к ней вел! Они первыми заметили хоббита и с радостными воплями бросились на него. Как это вышло — случайно или нарочно, — я не знаю. Случайно, полагаю, из-за того, что сокровище было новым, но, как бы там ни было, Бильбо надел кольцо на левую руку — и гоблины застыли. Они не видели его. Гоблины снова завопили, еще громче прежнего, но уже не так радостно.

[2] Бильбо ослеп, а потом вдруг увидел гоблинов. До зубов вооруженные гоблины, с обнаженными мечами, сидели прямо под дверью и во все глаза следили за ней, а также и за туннелем, который к ней вел. Они повскакивали с мест, взбудораженные, готовые на все. Они первыми заметили хоббита. Да, заметили. Случайно или так вышло, или же это кольцо выкинуло последнюю шутку перед тем, как признать нового хозяина, — только на пальце у хоббита его сейчас не было. С радостными воплями гоблины бросились на Бильбо. Страх и боль утраты эхом голлумовых страданий пронзили Бильбо. Позабыв обнажить меч, он сунул руку в карман. Кольцо по-прежнему лежало там, в левом кармане, и тотчас скользнуло ему на палец. Гоблины застыли. Они не видели его. Он исчез. Гоблины снова завопили, еще громче прежнего, но уже не так радостно.

Последние полторы страницы этой главы одинаковы в обеих версиях (ранней и поздней): Бильбо уворачивается от стражников и протискивается в щель, которую оставили гоблины, закрывая дверь.

Итак, главные изменения в “Загадках в темноте” таковы: меняется ставка в игре, кольцо предстает как кольцо власти — обладающее собственной волей, самостоятельное, злобное и пагубное, — задавая тем самым и противостояние сил. Голлум из просто заблудшего создания превращается в полностью падшее. Любое из этих изменений могло быть достигнуто, вообще говоря, не более чем несколькими фразами, но трансформация образа Голлума потребовала пересмотра значительной части текста.

Из значимых перестановок одна касается свойств кольца, одна расположения боковых проходов, и две — Голлума: его поисков на островке и шлепанья по туннелю. Необходимость первых двух из трех перечисленных поправок очевидна. Но изменение образа Голлума столь же знаменательно, сколь интересно. Благодаря всем сделанным добавлениям и поправкам Голлум начинает играть в повествовании гораздо более важную роль, а сама история выходит за рамки детской сказки. Разнообразие художественных приемов и общий объем исправленного текста свидетельствуют о том, что Толкин уделил огромное внимание образу Голлума, гораздо большее, чем требовалось и было уместным в “Хоббите”. Однако такая значительная проработка соответствует важности этого персонажа для “Властелина Колец”.

ПРИМЕЧАНИЯ

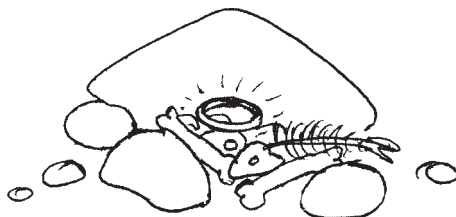
1. Критики благожелательно отнеслись к первым публикациям “Хоббита, или Туда и обратно” (Лондон, “Аллен и Анвин”, 1937; Бостон, “Хоутон и Миффин”, 1938), но никак не откликнулись на появление исправленного издания (Лондон, 1951, Бостон, 1958). В 1966-м году издательство “Баллантин”, воспользовавшись популярностью пиратского издания “Властелина Колец” издательства “Эйс”, выпустило этот исправленный вариант “Хоббита” в мягкой обложке. В следующем году оно же выпустило еще одно слегка измененное издание, которое Толкин готовил для “Лонгманс и Грин” (Лондон, 1966).

2. Первое издание “Властелина Колец” (Лондон и Бостон, 1954-1956) включало первую, вторую и третью части. В 1965 году издательство “Эйс” выбросило на рынок незаконное издание в мягкой обложке (впоследствии “Эйс” выплатило Толкину авторский гонорар и согласилось не допечатывать тираж), на что издательство “Баллантин” ответило встречным ударом, выпустив в том же году исправленное Толкином издание. Оно было также в мягкой обложке, но включало Указатель и Приложения. В 1967 году появилось исправленное издание в твердом переплете (Лондон и Бостон), и планировалось второе такое издание. В 1967 году “Бритиш паблишерс” выступило с однотомным изданием в мягкой обложке, снабженным Указателем и Приложениями (кроме “Истории об Арагорне и Арвен”).

3. “Беовульф” и “Хоббит”: Элегия в жанре Фэнтези как художественный метод Дж.Р.Р. Толкина — докторская диссертация (рукопись), Университет Южной Калифорнии, 1969 год.

4. Филип Нортон в своей статье “Господство хоббитов” (журнал “Нью-Йорк Таймс”, 15 января 1967) цитирует Толкина: “Как я теперь понимаю, “Хоббит” написан скверным языком, каким обычно разговаривают с детьми. Нет ничего, что мои дети ненавидели бы больше. Они преподали мне урок. Все, что в “Хоббите” выглядело как “специально детское”, а не для всех, они инстинктивно отвергали. И я теперь, думая об этом, соглашаюсь с ними”.

5. Во вступительной статье к “Саге о Короле Хейдреке Мудром” (Лондон, “Томас Нельсон и сыновья”, 1960) Кристофер Толкин пишет: “Утверждается, что в саге состязание созвучно широко распространенному сказочному мотиву, когда пленник добывает себе свободу, предлагая задачу, неразрешимую по своей природе”. Далее он добавляет: “несомненно, что вопрос не подходит как последнее задание в игре в загадки, поскольку не является загадкой”. Этот мотив очевиден в “Загадках в темноте”, поскольку игра противоречит правилам: Бильбо беспокоится, что он прямо обманывает Голлума, но конечно, у него хватает здравого смысла, чтобы не сказать тому правды.

Екатерина Кинн

Параллельные сюжеты в "Сильмариллионе" и "Властелине Колец" как отражение христианства и теории "северного мужества".

*Исправленная и дополненная
версия*

Мой доклад тесно перекликается с двумя предыдущими: я хочу говорить о параллельных сюжетах в "Сильмариллионе" и "Властелине Колец" и о том, какую составляющую в толкиновской мифологии они отражают, как она в них выражена. Прежде всего надо заметить, что очень часто встречаются работы и статьи как в русскоязычной толкинистике (уже наличествует такая), так и за рубежом, которые рассматривают только один аспект мифологии: либо доказывается, что это мифология христианская, христианизированная, либо рассматривается ее сходство с европейскими языческими мифологиями. Очень мало есть работ, которые рассматривали бы, как отражаются и переплетаются эти составляющие мифологии Толкина и, главное, в какой форме они выражены в его произведениях.

Единственная, пожалуй, такая статья, но очень популярная, рассчитанная на толкинистов - это статья Ирины Емельяновой, которая рассматривает формирование сюжета о Финроде и его смысл. Собственно, она рассматривает этот сюжет, его историю, как момент перехода, сопряжения этики и модели поведения языческой, "северного мужества", северного героизма и христианской. Это преодоление барьера между двумя этиками. Наступает время действия от других этических законов, которые и оказываются путем к спасению.

В самом первом варианте толкиновской мифологии присутствуют параллельные сюжеты, которые я хочу рассмотреть - это сюжеты о Турине и о Туоре, но в нем нет почему-то истории Финрода - там вообще нет Нарготронда. Его место занимают какие-то предшественники - пещеры Родотлим, королевство, основанное Келегормом и Куруфином, цельной истории нет. Она появляется в текстах, опубликованных в пятом томе "Истории Средиземья", который называется "Lost Road", и там уже сформированы факты и основной сюжет собственно "Сильмариллиона". То есть в этом варианте мифологии происходит героическая, совершенно саговая история Турина и параллельная ей сюжетно история Туора, который не является ни по образу действий, ни даже по сюжету эпическим героем, но который вдруг оказывается спасителем и отцом спасителя (здесь я "спаситель" говорю ни в коем случае не с большой буквы, не в сакральном смысле, а имея в виду сюжетную роль персонажа).

В первом варианте в "Книге забытых сказаний" Турин и Туор никак не связаны, это совершенно отдельные персонажи, которым приписана какая-то родословная, совершенно не согласованная. Общий ход событий с самой первой реализации этих текстов остается примерно одинаковым, меняются детали, и по мере изменения, трансформации всего толкиновского мифа, обретения им цельности, Турин и Туор вдруг оказываются двоюродными братьями и их история приобретает все большую параллельность.

Если есть необходимость, то я рассмотрю эти сюжетные параллели подробнее. Они заключаются в следующем: оба героя воспитываются у эльфов, оба героя отправляются на войну, оба героя переживают плен, спасение, оба получают проводника, который приводит героя в скрытый город, в эльфийское королевство, где он занимает определенное положение, в обоих случаях присутствует любовь к эльфийской принцессе, в одном случае завершившаяся счастливо, в другом - наоборот. И вот с этого

момента начинаются расхождения в историях: Туор следует данному ему совету Ульмо, божественному совету, Турин этот совет отвергает. В результате история Туора завершается спасением, история Турина завершается гибелью.

Тексты о Турине, и поэтические, и прозаические написаны именно в северной традиции: “Песнь о детях Хурина” - это аллитеративная поэма, “Нарн и Хин Хурин” - это сага, со всеми характерными для саги приемами, речевыми штампами и описаниями героев и их действий. В истории Туора таких явных стилистических уподоблений нет. Это довольно нейтральный текст, причем самая первая история о Туоре - это “Падение Гондолина”, но в ней основное место уделено не самому Туору и его истории, и даже не спасению, а именно падению Гондолина - и по стилю он очень напоминает знаменитое “Разрушение Дома Да Дерга” и прочие ирландские повести в жанре “разрушений”, вплоть до фразы Тургона: “Велико разрушение Гондолина!”.

Как ни странно, историю Турина Толкин разрабатывал практически постоянно, на протяжении многих лет, так что мы имеем очень много текстов, разных вариантов, более или менее законченных. История Туора в этом отношении беднее - есть первый вариант, “Падение Гондолина”, тот текст, который вошел в “Сильмариллион”, и начало его более подробного варианта (“Приход Туора в Гондолин” из Unfinished Tales).

В чем причина таких различий и в реализации сюжета, и в стиле и в форме сюжета? В том, что Турин и Туор - это герои разных мифологических потоков.

Турин - северный герой, доминантой этого типа, основным лейтмотивом его можно привести общеизвестную цитату из “Речей Высокого” о том, что гибнут стада, родня умирает, и вечна только слава - и за гробом ничего нет, естественно, потому что это в чистом виде язычество. И главное: здесь нет надежды на высшие силы, нет никакой христианской веры в Бога, а есть надежда на себя, на свою удачу. Как сказал самый знаменитый исландский *autlaw* Греттир: “Одно дело доблесть, другое - удача”. Именно по этой формуле действует Турин. У него нет удачи, он проклят, но проклятие это как-то очень странно действует. Он, действительно, во многом очень сходен с Греттиром. В тех ситуациях, когда Турину сюжетно предлагается сделать какое-то решение и он стоит на распутье, например: сносить мост перед воротами Нарготронда или не сносить, идти спасать Финдуилас или поверить дракону и бежать в Дор Ломин спасать мать и сестру - он выбирает тот вариант, который приводит к наимудшим последствиям. В сходной ситуации Туор выбирает другой вариант. Турин поступает как нормальный саговый герой: он мстит, он собирает отряд, он собирается вернуть себе власть и свои земли, он воюет. Туор ничего такого не делает.

В результате оказывается, что Турин - *герой*, Туор - *не герой*, если судить по северной героической мерке. Но герой погибает и не спасает никого - он губит всех, кто находится рядом с ним, потому что он действует в рамках языческой мифологемы, языческого образа действия. А не-герой - то есть персонаж, который действует вопреки этому стереотипу - становится спасителем, он входит в христианскую составляющую мифологии Толкина. Естественно, мир этот - мир до Христа, но в нем уже имеется все, что проявится в христианстве.

Таким образом, происходит своеобразная “евангелизация” сюжета о Туоре. Он выступает с одной стороны - как спаситель (тем уподобляясь Спасителю), с другой стороны - как отец спасителя, Эарендила. Эарендил же снова выступает в контексте толкиновской мифологии как спаситель - то ли предтеча, то ли прообраз его. Не будем забывать, что сам образ Эарендила родился из двух строк поэмы Кюневульфа “Христос” - а эта поэма является переложением латинского акафиста, и там, где Кюневульф говорит об Эаренделе, светлейшем из ангелов, в латинском оригинале речь идет о Христе (см. Шинпи, “Дорога в Средиземье”).

Итак, через двойной сюжет о двух родственниках проявляется глубинное содержание толкиновской мифологии - и становится ясно, что его Вторичный мир имеет христианскую природу, а не языческую. Язычник, в соответствии со своим героическим миропониманием, обречен - невзирая на свою свою доблесть, ведь опора его только в нем самом, а враг таков, что не в силах человеческих (и эльфийских) его одолеть. Языческий мир словно бы “вложен” в Арду - как мировоззрение населяющих его персонажей.

